

А.Г. Тепляков*

A.G. Teplyakov

**«Жизнь чекиста-оперативника»:
воспоминания М.П. Шрейдера**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-13

УДК 351.746 “192/196”(093.3)

Выходные данные для цитирования:

Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 13. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-13.pdf>

**M.P. Schrader's Memories
"Life of the officer of secret police"**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-13

How to cite:

Teplyakov A.G. M.P. Schrader's Memories "Life of the officer of secret police" // Historical Courier, 2019, # 1 (3). Article 13. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-13.pdf>

Abstract: The first part of extensive memoirs of a prominent security officer M.P. Shreyder (1902–1978) "Life of the officer of secret police" is published. These memoirs are known to the general reader by a large fragment published in 1995 as a separate book relating to events of the 1930th years. Now it is time to publish the main body of Shreyder's memoirs, covering the period from 1920 to 1938. During this time the young Komsomol member rose from an ordinary security officer to the deputy people's commissar of internal affairs of Kazakhstan. His memoirs run to about 650 pages of typewritten text. They are characterized by vividness and a very detailed depiction of internal life of the Soviet punitive machine. Mikhail Shreyder worked in many regions of the country, was close to some high-ranking security officers. He remembered a set of episodes from concrete work of Cheka–OGPU–NKVD concerning political opponents and criminal elements, as well as everyday life of leadership team of Stalin secret police. Another valuable aspect of these memoirs – a large number of portraits of functionaries of state security, and this is the only source of information about many of them. During his lifetime Shreyder, apart from security officers, met with prominent political, scientific and cultural figures. His memoirs are characterized by a high degree of objectivity, they provide a lot of data on mercenary and official crimes of security officers. At the same time the author quite often criticizes his own acts. Shreyder's memoirs are written in typical Soviet language, but have literary advantages and are deprived of didacticism. Some episodes from "Life of the officer of secret police" have been confirmed in the recent documentary publications. A rather complete version of memoirs of Shreyder will allow to cover in a new way many events from the Soviet era and will help historians significantly. The first part of the published text belongs deals with Shreyder's work in special departments of the West of Russia and also Belarus and Georgia in 1920–1922.

Keywords: Civil war; special departments of Cheka; Minsk; Smolensk; Slutsk; boundary protection; external observation; Shreyder; Dzerzhinsky; Bear; Olsky; Gayduchyonok.

The article has been received by the editor on 18.02.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: Публикуется первая часть обширных воспоминаний видного чекиста М.П. Шрейдера (1902–1978) «Жизнь чекиста-оперативника», известных широкому читателю по опубликованному в 1995 г. отдельной книгой крупному фрагменту, относящемуся к событиям 1930-х годов. Теперь появилась возможность обнародовать основной корпус мемуаров Шрейдера, начиная с 1920 г. и до 1938 г. За это время юный комсомолец прошел путь от рядового оперативного работника до заместителя наркома внутренних дел Казахстана. Его

* **Тепляков Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Teplyakov Alexey Georgievich, PhD in Historical Sciences, Senior researcher in Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russia), e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

мемуары занимают около 650 страниц машинописного текста, отличаются живостью изложения и наличием огромного количества подробных сведений о внутренней жизни советской карательной машины. Михаил Шрейдер работал во многих регионах страны, был близок с рядом крупных чекистов. Он запомнил множество эпизодов из конкретной работы органов ВЧК–ОГПУ–НКВД в отношении политических противников и уголовных элементов, повседневной жизни, характерного быта руководящего состава сталинской тайной полиции. Еще одна ценная сторона данных воспоминаний – большое количество портретов функционеров госбезопасности, о многих из которых не сохранилось подробных сведений. В своей жизни Шрейдер, помимо чекистов, встречался с крупными политиками, деятелями науки и культуры. Его воспоминания отличаются высокой степенью объективности, в них много сведений о корыстных и служебных преступлениях чекистов. При этом автор нередко критикует и свои собственные поступки. Мемуары Шрейдера написаны типичным советским языком, но обладают литературными достоинствами и лишены назидательности. Часть эпизодов из «Жизни чекиста-оперативника» к настоящему времени подтверждена новейшими документальными публикациями. Относительно полный вариант воспоминаний Шрейдера позволит по-новому осветить многие события советской эпохи и окажет существенную помощь историкам. Первая часть публикуемого текста относится к работе Шрейдера в особых отделах ВЧК запада России, а также Белоруссии и Грузии в 1920–1922 гг.

Ключевые слова: Гражданская война; особые отделы ВЧК; Минск; Смоленск; Слуцк; пограничная охрана; наружное наблюдение; Шрейдер; Дзержинский; Медведь; Ольский; Гайдучёнок.

Мемуары работников органов государственной безопасности СССР в основном делятся на две части: официальные публикации советского времени и вышедшие за рубежом книги перебежчиков из числа разведчиков и контрразведчиков. Чекистские мемуары – перспективный исторический источник, однако их основная часть представлена написанными для служебных целей текстами, хранящимися в малодоступных фондах местных управлений ФСБ и МВД. Только незначительная часть подобного рода мемуаров введена в последние четверть века в научный оборот. На этом фоне уникальными выглядят избежавшие спецхрана объемные воспоминания «Жизнь чекиста-оперативника» Михаила Шрейдера, созданные в 1960-е–1970-е годы и частично известные с 1995 г., когда московское издательство «Возвращение» опубликовало меньшую часть мемуарного текста (с неоговоренными правками и купюрами) этого бывшего сотрудника органов ВЧК–НКВД, относящуюся к 1930-м годам¹. В конце 2018 г. мы дали обзор неопубликованной части мемуаров М.П. Шрейдера в отдельной статье². Теперь появилась возможность для публикации ранее неизвестных записей этого «старого комсомольца», коммуниста, чекиста и работника милиции в возможно более полном виде.

Михаил (Израиль) Павлович (Менделевич) Шрейдер (22.6.1902, Вильно – 8.12.1978, Москва) был незаурядным человеком и прожил бурную жизнь. Рано уйдя из дома, он нашел себя в среде революционеров-большевиков, и в семнадцатилетнем возрасте из подпольщика-комсомольца превратился в чекиста, отдав этой опасной и скользкой профессии почти два десятилетия жизни. Ему довелось сменить множество мест службы в целом ряде регионов страны, участвовать в боевых операциях ВЧК–ОГПУ, выявлять реальных врагов коммунистической власти и отбирать ценности у «валютчиков», а также общаться с немалым количеством коллег, делившихся с ним многими подробностями оперативной работы (несмотря на требования соблюдать конспирацию, болтливость и хвастовство были

¹ Шрейдер М.П. НКВД изнутри: Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. 256 с.

² Тепляков А.Г. «Воспоминания чекиста-оперативника» М.П. Шрейдера – неизвестные страницы истории ВЧК–ОГПУ–НКВД // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 925–936.

распространенным явлением внутри чекистского сообщества). От рядового работника службы наружного наблюдения («топтуна») он к 1938 г. дошел до поста заместителя наркома внутренних дел Казахской ССР по милиции. Пройдя через войны и тюрьмы, добившись в годы оттепели восстановления в партии, но не реабилитации, на склоне лет Михаил Павлович испытал потребность запечатлеть оставшиеся в его памяти эпизоды встреч с незаурядными людьми, к которым относятся как представители чекистского ведомства (довольно прямолинейно разделенные мемуаристом на честных работников, «настоящих большевиков», «великолепных товарищей», и противостоящих им карьеристов, мошенников и нарушителей законности), так и политические деятели (Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, М.И. Калинин, Г.В. Чичерин, С.М. Киров, А.В. Луначарский, Г.И. Мясников, Б.В. Савинков, К.И. Захарова-Цедербаум), а также личности, известные в области культуры и науки – от патриарха Тихона до Исаака Бабеля и Владимира Маяковского, от Отто Шмидта до Леонида Утесова и Любови Орловой.

Хотя террор пережило немало крупных чекистов, занимавших более ответственные посты, нежели Шрейдер, но почти никто из них не решился поведать о своей жизни сколько-нибудь откровенно. Из мемуаров перебежчиков особенно насыщены достоверной информацией воспоминания резидента ИНО ОГПУ Г.А. Агабекова, известные с начала 1930-х годов³; также очень любопытны недавно обнародованные дневниковые и мемуарные записи первого председателя КГБ СССР И.А. Серова⁴, в основном относящиеся к военному и послевоенному периодам. Уникальность обширных мемуаров Шрейдера заключается в плотности текста, охватывающего два десятилетия его службы и практически лишенного элементов беллетризации, а также очень частых ссылок на дальнейшую судьбу упоминаемых личностей. При этом автор, показывая все стороны жизни «органов» изнутри, старается указывать, какие факты он может засвидетельствовать лично, а о каких говорит со слов тех или иных лиц, либо по слухам. Он честно предупреждает читателя, что не всегда помнит хронологию и сохранил в памяти только самые яркие эпизоды. Но таких ярких эпизодов тем не менее очень много.

Два главных достоинства мемуаров Шрейдера – обилие портретных черт известных и рядовых людей, а также подробные рассказы о различных аспектах чекистской работы. Характерно, что в них, несмотря на факт репрессирования автора и прохождение через мучительное пыточное следствие, нет типичного для мемуаров узников сталинских тюрем и лагерей нарратива жертвы обстоятельств. Чекист Шрейдер понимал, что все-таки вытаскил счастливый билет и, поскольку, в отличие от многих своих коллег, уцелел, то он не может считать длинную и насыщенную жизнь неудавшейся. Говоря о своем переводе в милицию в 1933 г., Шрейдер резюмирует: «Останься я в ОГПУ, может быть, и меня, как и многих моих товарищей, в прошлом – хороших людей и честных коммунистов, засосала бы страшная волна шпиономании, а впоследствии, может быть, и я постепенно мог бы сделаться участником фальсификаций, которые начались с малого, а закончились чудовищными по своей жестокости и бессмысленности злодеяниями»⁵.

Он не скрывает ужасов заключения в сталинских застенках, но, познав на себе работу карательного механизма в качестве как начальника, так и бесправного узника, старается увидеть в страшном элементы иронии, проявляя полученную долгой жизнью мудрость опытного рассказчика, назидательность которого носит умеренный характер. В целом Шрейдер видит себя как важного свидетеля исторических событий, оказавшегося среди победителей, и потому везде очень искренне демонстрирует чувство правоты своего жизненного выбора. Он явно надеялся увидеть свои воспоминания в печати.

³ Агабеков Г.С. ЧК за работой. Берлин: Стрела, 1931. 336 с.

⁴ Серов И.А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / под ред. А. Хинштейна. М.: Просвещение, 2016. 704 с.

⁵ Шрейдер М.П. НКВД изнутри: Записки чекиста... С. 22.

М.П. Шрейдер то и дело подчеркивает роль партийных лидеров в руководстве деятельностью «органов» и не скрывает своего искреннего преклонения перед вождями («В то время я уже очень любил Дзержинского» и пр.). Он непременно отмечает также партийность и беспартийность всех своих знакомых. В воспоминаниях убедительно показана огромная роль личных отношений в пронизанном персональными связями, завистью, ненавистями, покровительством и подсиживанием замкнутом чекистском мире. Только знание тайных подводных течений внутри карательного аппарата позволит судить историку о действительных причинах тех или иных кадровых решений. И здесь, наряду с материалами различных служебных проверок, доносов и следственных производств свое слово скажут мемуарные источники. Совсем не случайно автор то и дело подробно выделяет фигуры удачливых снабженцев при вышестоящих начальниках – очень расторопных и хорошо устроенных людей, чьи пробивные способности и умение достать необходимые бытовые блага высоко оценивались их командирами. Судя по всему, это был массовый тип военно-хозяйственных чиновников, чья фактическая роль в ведомствах оказывалась заметно выше их формально скромных постов. Шрейдер, хотя и не показывает истинного размаха агентурной работы, однако называет некоторых негласных помощников, дает интересные подробности оперативной работы и чекистских операций, в том числе против зарубежных дипломатов и различных как политических противников, так и уголовных элементов.

При чтении записок этого чекиста вспоминается классическое: «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи!» Рассказы Шрейдера наглядно доказывают жестокость, криминализированность, лицемерие, мстительность, пьянство и распущенность чекистской и партийно-советской номенклатуры, ее снисходительность к преступлениям подчиненных, которых можно было держать «на крючке» благодаря обилию компрометирующих материалов. Шрейдер постоянно откровенно говорит и о коррупции высокого начальства, и о любовных коллизиях коллег. Даже повествуя о своих кумирах, вроде видных чекистов И.П. Гайдучёнка, Ф.Д. Медведя или С.Ф. Реденса, Шрейдер, при всем любовании этими покровительствовавшими ему фигурами, мимоходом сообщает множество фактов их самодурства, хамства, пьянства, использования привилегий. Автор, невольно демонстрируя повсеместное советское доносительство, постоянно информирует читателя и о своих «сигналах» наверх о тех или иных персонажах, показывая натуру, в которой кто-то увидит принципиального, а кто-то – неуживчивого и склочного человека.

Говоря о себе, он постоянно посмеивается над собственным юношеским максимализмом, горячностью, различными неловкими ситуациями, в которых то и дело оказывался из-за природной вспыльчивости. Шрейдер часто не скрывает неприятных для самолюбия эпизодов, хотя где-то и явно не договаривает, как при рассказе о репрессиях в Иваново, когда он вместе с другими активистами выступил с политическими обвинениями против опального секретаря обкома партии И.П. Носова. Вместе с тем он не только не маскирует своей активности в проведении бессудных расправ над «социально-вредными элементами» в Ивановской области (за что и был впоследствии осужден и не реабилитирован), но и предлагает – в 1970-х годах – снова применять «тройки» для быстрого осуждения уголовников и лиц с приводами в милицию в качестве проверенного и эффективного метода борьбы с преступностью.

В целом же эти мемуары по откровенности и подробности неизмеримо превосходят прочие известные чекистские воспоминания, давая информацию и по устройству своеобразного чекистского быта (во многом пересекающимся с повседневной жизнью партийно-государственной номенклатуры), и по целому ряду конспиративных помощников ВЧК–НКВД, и по таким чекистским тайнам, как фактически бесконтрольное расходование сумм, предназначенных для оплаты агентуры. Шрейдер неоднократно упоминает причастность чекистских и партийных чиновников к организации расстрелов осужденных, а также указывает на использование во время массовых казней 1937 г. в Иванове специальных машин-«душегубок», с помощью которых обреченные люди по пути к месту расстрела отравлялись угарным газом, приводились в беспомощное состояние и не могли

сопротивляться. Очень важно, что некоторые фрагменты данных воспоминаний «перекрываются» новейшими публикациями, подтверждающими правдивость Шрейдера⁶.

Особое внимание автор проявляет к бытовой сфере, дает обилие деталей повседневности и ярких портретов, проявляя очевидные литературные способности (либо здесь налицо вклад его супруги Ирины Элланской, которая записывала за мемуаристом). Эти качества делают чтение данных воспоминаний «чекиста-оперативника» очень занятным, несмотря на сугубо советский язык изложения, особенно при переходе на общественно-политическую тематику. Общий стиль Шрейдера – очень живой, но как только речь заходит о политически ангажированных эпизодах, сразу появляются «гнусные замыслы», «пламенные большевики», «трудящиеся Минска» и «чудесные товарищи». С высоты сегодняшних знаний идеологические штампы автора («бандиты»-повстанцы, «кулаки», «троцкисты», нэпманы и эмигранты) воспринимаются как памятник советскому дискурсу, оказавшемуся непривычно стойким и воспроизводимым многими, в том числе специалистами, и поныне. Еще следует отметить любовь автора к излишнему закавычиванию многих терминов и выражений, постоянному выделению фрагментов текста с помощью скобок, а также путаницу с многочисленными названиями своего ведомства: ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ. Фрагменты, которые казались автору сомнительными и не подходящими для печати, мы сохранили.

Мемуары М. П. Шрейдера в литературной записи его супруги И. А. Элланской хранятся, помимо семейного архива, в Отделе рукописей РГБ и обществе «Мемориал» (записи с 1920 по 1940 г.). Мы пользовались неполным экземпляром, хранящимся в архиве «Мемориала» (фонд 2, опись 2, дела 100, 101, 102), начинающимся с листа № 129 и представляющим 641 машинописный лист одной из копийных закладок – с немногочисленными рукописными поправками и дописками, принадлежащими, вероятно, И. А. Элланской. В рукописи также отсутствуют листы № 565 и 775–785. Текст мемуаров сопровождают переснятые примерно в 70-е годы портретные фотоснимки низкого качества.

Первая часть воспоминаний Шрейдера, отсутствующая в архиве «Мемориала», имеет такое оглавление:

1. Детство	с. 1.
2. Скитания	с. 31
Сморгони	с. 32
Минск	с. 32
Саратов	с. 34
Снова Минск	с. 36
Екатеринослав	с. 38
Киев	с. 45
Барановичи	с. 45
3. Возвращение в Вильно	
1. Начало работы в большевистском подполье	с. 48
2. Рабочая боевая дружина	с. 57
3. Красное Вильно	с. 62
4. Комсомольский отряд им. К. Либкнехта	с. 67
4. Боевой путь виленских комсомольцев	с. 73
1. Вилкомир – Утяны	с. 80
2. Партизанский отряд им. Р. Люксембург	с. 81
3. Двинск	с. 84
4. Под Ново-Александровском (фронт)	с. 90
5. Снова в Двинске и Полоцке проездом	с. 95

⁶ См.: *Тепляков А.Г.* «Воспоминания чекиста-оперативника» М. П. Шрейдера... С. 933–934.

6.	Минск	с. 95
7.	Бобруйск	с. 100
8.	Смоленск	с. 104
5.	Начало работы в органах ЧК	с. 105
1.	Смоленск	с. 105
2.	Витебск	с. 107
3.	Фронт под Полоцком	с. 110
4.	В плену у белополяков	с. 112
6.	Опять Вильно	с. 116–128.

Текст публикуется по правилам современной орфографии с полным сохранением авторского стиля. Мы благодарны архиву Международного общества «Мемориал» за возможность обнародовать данные воспоминания в журнале «Исторический курьер».

7. Отступление из Вильно в Белоруссию

1) Ошмяны

Покинув 28-го августа 1920 г. город Вильно⁷, личный состав особого отдела во главе с товарищем Медведем⁸ пешим строем прибыл в уездный город Ошмяны, где мы остановились на два дня на отдых. Военской части и духового оркестра, которые сопровождали нас при выходе из Вильно, с нами уже не было. Они направились в какой-то другой пункт.

Надо сказать, что мой отец был родом из Ошмян, и его двоюродный брат оказался старостой еврейской синагоги в Ошмянах. Не помню, я ли зашел к нему или он, узнав, что я в Ошмянах, разыскал меня, но когда мы встретились, «дядя» пришел в ужас от того, что я нахожусь среди «этих бродяг», как он отозвался о нашем отряде. Возмущившись подобным оскорблением, я попытался разъяснить этому старому идиоту всю чистоту и правоту идей коммунизма и ничтожность и злобедность его националистическо-буржуазного мировоззрения, но, как и следовало ожидать, расстались мы, оставшись каждый при своем мнении.

На второй день Медведь решил организовать прощальный митинг для населения Ошмян, так как на следующее утро мы должны были уходить дальше. Для придания митингу большей торжественности Филипп Демьянович поручил мне разыскать и пригласить хотя бы

⁷ Вильнюс, захваченный 20 июля 1920 советскими войсками, после поражения РККА под Варшавой был передан Литве.

⁸ Медведь Филипп Демьянович (1890–27.11.1937, Москва). Уроженец Гродненской губ., из крестьян. В 1905–1917 работал техником-строителем в магистрате Варшавы. С нояб. 1917 по май 1918 – чл. Сокольнического райВРК, нач. 1-го Московского революц. отряда, военком Сокольнического района (Москва). С мая 1918 – чл. Контрольной коллегии ВЧК, с сент. 1918 – пред. Тульской губЧК. С 27.3.1919 – чл. Коллегии ВЧК и одновременно с 5.5.1919 по 30.8.1919 пред. Петроградской губЧК. С 30.8.1919 – нач. Особого отдела ВЧК Западного фронта, зав. Отделом принудработ НКВД РСФСР. С дек. 1919 по нояб. 1921 – нач. Особого отдела ВЧК Зап. фронта, в 1921 – полпред ВЧК по Западному краю. С нояб. 1921 – зам. пред. Московской губЧК, нач. Московской окружной транспортной ЧК. С дек. 1921 по 31.12.1923 – нач. Особого отдела ВЧК–ГПУ–ОГПУ МВО, нач. Московского губотдела ГПУ. С 7.4.1924 по 3.12.1925 – полпред ОГПУ по Западному краю, нач. Особотдела Зап. фронта. С 12.2.1926 по дек. 1929 – полпред ОГПУ по ДВК, нач. Особотдела ОКДВА. С 8.1.1930 по 10.7.1934 – полпред ОГПУ по ЛенВО. В 1931–34 – чл. Коллегии ОГПУ. С 15.7.1934 – нач. УНКВД по Ленинградской обл. Активный организатор массовых репрессий. В дек. 1934 арестован и за халатность осужден к 3 годам лишения свободы. С 1935 по май 1937 – нач. Южного горно-промышленного управления Дальстроя НКВД СССР. Арестован 7.9.1937, расстрелян во внесудебном порядке. В 1957 реабилитирован.

небольшой оркестр из местных музыкантов. Но городок был маленький и никакого оркестра там не оказалось. С большим трудом мне удалось разыскать еврея скрипача, который указал на двух своих компаньонов (флейтиста и контрабасиста), вместе с которыми он брался изобразить оркестр. Обычно эта тройка обслуживала местные свадьбы, вечеринки и прочие мероприятия, нуждающиеся в музыкальном оформлении. Конечно, никто из этих музыкантов не знал «Интернационала», и мне пришлось битый час напевать им мелодию, а они по слуху подбирали ее. Звучание этого куцега оркестра-трио было весьма жиденьким, и как я ни пытался разъяснить им, что «Интернационал» надо играть торжественно и строго ритмично, все это у них получалось довольно плохо. Но положение было безвыходным, так как других музыкантов в городе не нашлось, о чем я и доложил Медведю, который решил, что пусть все-таки «музыка» будет.

И вот начался митинг. Из ораторов на нем выступили: Филипп Демьянович Медведь – по-русски, Иосиф Казимирович Опанский⁹ – по-литовски, Ян Ольский¹⁰ – по-польски, и на еврейском языке¹¹ – я.

После каждого оратора, по условленному знаку, тройка музыкантов старательно играла «Интернационал», по ритму несколько напоминавший [веселый] еврейский танец «фрейлахс».

Многие наши работники во время этих музыкальных заставок еле сдерживались от душившего их смеха, но смеяться было нельзя. Я все время бросал грозные взгляды на музыкантов, но они, с удивлением и опаской поглядывая на меня, никак не могли понять, чем они не угодили.

Интересно, что мой ошмянский «дядя», несмотря на выяснившиеся при встрече разногласия, все же пришел на митинг. И когда подошла моя очередь выступать, и я стал разъяснять еврейской рабочей бедноте всю подлость и вредность буржуазного шовинизма и национализма, и сказал, что рабочие не должны зависеть от всяких старост синагоги, подобных моему дальнему родственнику Шрейдеру, а также и от других богачей города, «дядя» схватился руками за голову и начал резким и визгливым голосом причитать: «Ай-вай, ай-вай, ай-вай!» и убежал с митинга. Этот инцидент вызвал громкий смех всех присутствующих.

Тем временем мое выступление, которое, по-видимому, понравилось рабочей и беднейшей части населения Ошмян, подошло к концу, и я, как было принято в то время, закончил его лозунгами: «Да здравствует мировая революция! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – и сделал условный знак в сторону «оркестра».

Но музыканты настолько растерялись, что вдруг вместо «Интернационала» заиграли известную еврейскую молитву «Кол-нидры»¹², которую обычно поет кантор в синагоге в день великого поста. Почему они заиграли эту молитву, понять было трудно. Может быть,

⁹ Опанский Иосиф Казимирович (1897–7.6.1927). Чл. компартии с 1916. Уроженец Ковенской губ., в 1917 работал в типографии ЦК РСДРП(б), в редакции «Правды». В период Гражданской войны на подпольной парторботе в Литве и Белоруссии. В 1919 – чл. Виленского горкома КП(б) Литвы и Белоруссии, чл. исполкома горсовета, ревтрибунала, пред. Мозырского уездревкома. С 1920 – зам. нач. Особотдела 16-й армии (Белоруссия). С 1922 – в ГПУ Петроградского военокруга и Самары. С 1924 – зам. полпреда ОГПУ по БелВО. Погиб в аварии при путешествии на дрезине между полустанком Ждановичи и ст. Минск (чекистская версия объясняла крушение диверсией террористов-белоземляков).

¹⁰ Ольский (Куликовский) Ян Каликтович (1898–27.11.1937, Москва). Чл. компартии с 1917. Из семьи врача, поляк. С 1918 в РККА, с августа 1919 в ВЧК, нач. Особотдела 16-й армии, с 1920 особоуполномоченный Особотдела Зап. фронта. С июня 1921 – пред. ЧК и полпред ГПУ Белоруссии. С 1923 – нач. 3-го отделения Контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ, нач. Отдела погранохраны ГПУ, нач. Высшей пограншколы ОГПУ. С 1925 – зам. нач. КРО и Особого отдела ОГПУ. С 22.11.1927 по 10.9.1930 – нач. КРО ОГПУ, затем нач. Особотдела ОГПУ СССР; избивал арестованных. В авг. 1931 уволен из ОГПУ и работал в системе общепита. Арестован 30.5.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1955.

¹¹ Идише.

¹² «Кол нидрей» (букв. «Все обеты») — молитва на арамейском, читаемая в синагоге в начале вечерней службы Йом-Киппур и сопровождаемая грустным напевом.

эти бедняки, измученные постоянными унижениями и нищетой, и, по-видимому, впервые услышав на своем родном языке призыв к борьбе против несправедливого гнета, почувствовали потребность сыграть что-то, звучащее торжественно для них самих¹³.

Увидев мой свирепый взгляд и отчаянную жестикуляцию, испуганные оркестранты быстро перестроились и снова заиграли «Интернационал».

Кстати, мой «родственник», убежав с митинга, все же на этом не успокоился. К вечеру он вызвал меня из дома, где мы остановились ночевать, и стал меня допрашивать, когда я принял православие, знает ли об этом мой отец и как он это перенесет. Когда же я объяснил ему, что мы – большевики – интернационалисты и в бога не верим, он снова пришел в ужас и, не попрощавшись, ушел, на этот раз уже совсем.

Мои товарищи по работе впоследствии долго вспоминали этот инцидент и поддразнивали меня и «дядей», и молитвой, явившейся «музыкальным оформлением» моей «речи».

На следующее утро мы пешком строем выступили из Ошмян и вскоре добрались до какой-то маленькой станции, где была намечена новая граница между буржуазной Литвой и Советской Россией. Здесь товарищ Медведь оставил группу особистов для несения пограничной службы, а затем мы направились в Минск.

2) Минск

По прибытии в Минск почти весь состав виленского особого отдела включился в работу Минской Губчека¹⁴. Председателем Губчека был тогда Каменский¹⁵, его заместителем – Дубов, начальником секретно-политического управления¹⁶ – Дубровский. Я получил назначение комиссара по обыскам и арестам¹⁷.

Филипп Демьянович Медведь оставался полномочным представителем ВЧК Западного фронта.

В конце сентября или в начале октября 1920 года в Минск прибыл товарищ Дзержинский¹⁸. В Доме Красной Армии состоялся митинг, на котором выступали представители командования. На балконе перед трудящимися Минска произносил очередную «пламенную» речь Троцкий.

¹³ Возможно, музыканты, смущенные необходимостью играть революционный и интернациональный гимн, имели в виду важнейший смысл этой молитвы: «Все обеты, обязательства, присяги и отлучения, что мы обещали или поклялись, или поручились, или которыми мы обязались от сего Дня Всепрощения до будущего счастливого прихода Дня Всепрощения — мы во всех их раскаиваемся. Да будут они считаться разрешенными, прощенными, уничтоженными, недействительными и лишенными силы. Они не будут связывать нас и не иметь никакой силы над нами. Обеты не будут признаны обетами, обязательства не будут обязательными, а присяга — присягой». Вся община затем произносит: «И будет прощено всей общине сынов Израиля и чужеземцу, живущему среди них, ибо весь народ — в неведении».

¹⁴ Правильно: Белорусской ЧК. Отметим, что в мае 1920 по решению Политбюро ЦК РКП(б) ВЧК откомандировала на работу в БССР около 100 чекистов, включая И.И. Каминского, Я.К. Ольского, И.К. Опанского, С.Ф. Пинталя, А.И. Роттенберга.

¹⁵ Правильно: Каминский Иосиф Иосифович (1890–1924, Смоленск). Чл. компартии с 1913. Уроженец Варшавы, поляк. В 1917 — чл. партийного комитета польской группы соц.-демократов, чл. исполкома Сокольнического райсовета в Москве. В 1918 — на подпольной работе в Харькове, с июня 1918 — пред. Курской губЧК. В окт.-дек. 1920 — пред. Белорусской ЧК. С 12.20.1920 по 21.1.1921 — пред. Крымской ЧК, чл. Керченского ревкома. Крымским ревкомом 21.1.1921 снят с должности за «проведение массовых необоснованных расстрелов». С нояб. 1922 — прокурор Черниговской губ. С нояб. 1923 по март 1924 — нач. Смоленского губотдела ОГПУ и зам. нач. Особого отдела ОГПУ Зап. фронта.

¹⁶ Правильно — Секретно-оперативного отдела (управления).

¹⁷ Наряду с сотрудниками наружного наблюдения («топунами») самая распространенная из низших должностей в тогдашней чекистской номенклатуре.

¹⁸ Дзержинский выехал из Москвы на Западный фронт 25.7.1920, прибыл в Минск, затем переехал в Белосток. В начале сентября Дзержинский на два дня выезжал в Москву. Точных сведений о возвращении его в Минск нет.

В комнате, из которой выходил этот балкон, находились руководящие партийные и советские работники, а также руководители польского ревкома¹⁹: т. т. Мархлевский²⁰, Богуцкий²¹, Долецкий²², Феликс Кон²³.

В глубине комнаты т. т. Дзержинский и Медведь о чем-то разговаривали. Я стоял позади Медведя и вдруг услышал, как Феликс Эдмундович, досадливо повернув голову в сторону что-то очень громко и патетически выкрикнувшего Троцкого, произнес:

– Говорит как хороший чтец-декламатор, а роль исполняет как плохой провинциальный актер.

Эта фраза произвела на меня огромное впечатление. Впервые я услышал такую резкую критику в адрес Троцкого, считавшегося в то время вождем, чуть ли не вторым лицом после Ленина. В то время я уже очень любил Дзержинского и безгранично ему доверял, считая, что он без достаточных оснований не бросит подобных слов²⁴.

(Но только позднее, в 1922 или 1923г. (точно не помню) я до конца понял значение сказанных Дзержинским слов, когда на собрании актива Московского комсомола, в помещении театра быв. Зимина (ныне театра оперетты), по случаю принятия комсомолом шефства над морским флотом, я услышал выступление Троцкого. Он был одет в парадную форму адмирала, и вся его манера говорить, и жесты были пронизаны театральным пафосом. Тогда, взглянув на него с критической стороны, я понял, что передо мною выступает настоящий актер-демагог, подчеркивающий в своей речи только свое «я», и ставящий себя выше интересов партии.)

¹⁹ Польревком (Временный революционный комитет Польши) существовал с 30 июля по 20 авг. 1920 на занятой большевиками части Польши, ликвидирован после отступления РККА с польской территории. Формальным лидером был Ю. Мархлевский, реальным – Ф. Дзержинский. Члены: С. Бобинский, Б. Закс, Ф. Кон, Э. Прухняк, Т. Радваньский, И. Уншлихт.

²⁰ Мархлевский Юлиан-Бальтазар Юозефович (1866–22.3.1925, Нерви, под Генуей). Из семьи помещика, поляк, окончил Цюрихский университет. В 1889 участвовал в организации Союза польских рабочих. Один из основателей в 1893 Социал-демократии Королевства Польского. Участник революции 1905. В 1907 – делегат 5-го съезда РСДРП, избран канд. в чл. ЦК РСДРП. За антивоенную деятельность 22.5.1916 германскими властями был заключен в концлагерь, два года спустя обменян на пленного немецкого генерала. Участвовал в организации Коминтерна и МОПРа, в 1920 возглавил Временный ревкомитет Польши в Белостоке. С 1922 – ректор Комуниверситета нацменьшинств Запада, пред. ЦК МОПР, созданной по его инициативе. Автор многих искусствоведческих статей. Умер во время отпуска в Италии.

²¹ Богуцкий Вацлав Антонович (1884–19.12.1937, Коммунарка, под Москвой). Чл. компартии с 1904. Рабочий-металлист, поляк. Вел революционную работу в Белоруссии и на Кавказе, 8 раз арестован. В 1906 был делегатом 5-го съезда РСДРП от Гродненской губ. В 1910 бежал в США, в 1912 вернулся в Россию. В 1917 организовал группу социал-демократии Польши и Литвы в Тифлисе, в 1918 – пред. Гродненского Совета и комитета СДПиЛ. В 1919 – чл. ЦК Компартии Литвы и Белоруссии, в мае 1919 – пред. ЧК Литовско-Белорусской республики. В 1920 – чл. Польревкома. В 1922–24 – ответсекретарь ЦК КПБ и зампред. СНК БССР. Затем в ИККИ и на профсоюзной работе, чл. спецколлегии Хабаровского крайсуда. Член ЦИК СССР. Арестован 5.9.1937, приговорен к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

²² Долецкий (Фенигштейн) Яков Генрихович (1888–19.6.1937, Москва). Чл. компартии с 1904, еврей. В 1917 – чл. Петербургского комитета большевиков, чл. ВЦИК. С 1919 – зам. пред. СНК Литовско-Белорусской ССР, чл. Президиума ЦИК, нарком внутренних дел Лит.-Белорус. ССР. В 1925–37 – ответ. руководитель ТАСС при СНК СССР. Застрелился.

²³ Кон Феликс Яковлевич (1864–28.7.1941, Москва). Чл. компартии с 1906. Род. в ассимилированной еврейско-польской семье. Учился в Варшавском ун-те, контактировал с «Народной волей». В 1884 был приговорен к 10 годам каторги. С 1897 года по 1904 жил в Минусинске, занимался исследованиями коренного и русского старожильского населения Сибири. С 1906 – чл. ЦК ППС, участвовал в работе Петербургского совета, с 1907 в эмиграции. Вернулся в Россию в мае 1917 в т. н. «пломбированном вагоне», комиссар Харьковской губ. по польским делам, затем чл. коллегии НКВД УССР, Польского бюро при ЦК РКП(б), Оргбюро по созыву 1-го съезда КП Украины, пред. Галицкого оргкомитета КПУ. В 1920 был чл. Польревкома. В 1922–23 – секретарь ИККИ. Редактор газет и журналов, работник Наркомпроса РСФСР, пред. Всесоюзного радиокомитета. Автор исторических и мемуарных работ.

²⁴ Дзержинский в начале 20-х годов относился к Троцкому с должным уважением и, в частности, цитировал в служебной переписке реплики из его выступлений.

Но возвращаюсь к пребыванию в Минске. В то время Филипп Демьянович, Ольский, Опанский, Пиляр²⁵ и я помещались в одной комнате, кажется, в гостинице «Европа». Кто-нибудь один (не обязательно Медведь) спал на кровати, а остальные размещались прямо на полу. Дело в том, что в то время в Минске скопились почти все отступающие части Красной Армии и эвакуированные учреждения, и была невероятная теснота.

На следующий день, после митинга и собрания в доме Красной Армии, в наш номер к Филиппу Демьяновичу пришел Дзержинский. В это время все мы находились в номере. Феликс Эдмундович, как всегда, по-дружески со всеми поздоровался и начал подбадривать, чтобы мы не падали духом в связи с вынужденным отступлением из-под Варшавы²⁶. Дзержинский, как я тогда понял, считал главной причиной нашего отступления то, что передовые наступающие части были сильно оторваны от своих тылов, что исключало возможность нормального снабжения продовольствием и боеприпасами. Дзержинский также говорил о необходимости максимально усилить борьбу с польскими разведчиками и местной контрреволюцией, так как белополяки, отступая в июле, оставляли в тылу у нас диверсионные группы, нападавшие на наших людей и даже на отдельные подразделения Красной Армии²⁷.

Я, конечно, не помню всего сказанного Феликсом Эдмундовичем, но в его словах ясно чувствовались упреки по адресу тогдашнего наркомвоенмора Троцкого, который нарушил и не выполнил какие-то указания В.И. Ленина и тем самым вызвал катастрофическое положение наших войск, когда, в частности, целый кавалерийский корпус под командованием Гая Дмитриевича Гая²⁸, вынужден был интернироваться в Германию, чтобы не попасть в плен к белополякам. Дзержинский также считал, что по вине Троцкого наши тылы не были обеспечены соответствующей охраной, что облегчало действия диверсионных групп белополяков в нашем тылу²⁹.

²⁵ Пиляр (Пиляр, фон Пильхау) Роман Александрович (1894–2.9.1937, Москва). Комиссар ГБ 2-го ранга (1935). Чл. компартии с июля 1918 (с 1914 – меньшевик). Из семьи инженера, поляк. С апр. 1918 – один из руководителей большевистского подполья в Вильно, пред. ВРК Литвы. Один из основателей КП Литвы и Белоруссии. С янв. 1919 – чл. Президиума и секретарь ЦИК Лит.-Белорус. республики. В мае 1919 арестован поляками в Вильно, расстреливался, чудом выжил. В дек. 1919 по обмену пленными прибыл в РСФСР. С апр. 1920 – особоуполномоченный Особотдела ВЧК Зап. фронта. С окт. 1920 на нелегальной работе в Верхней Силезии (Германия). С марта 1921 – нач. 15-го спецотделения Особотдела ВЧК, затем пом. нач. ИНО ВЧК-ГПУ, зам. нач. КРО ГПУ–ОГПУ. В 1925–29 – пред. ГПУ БССР, затем полпред ОГПУ по Северо-Кавказ. краю, с 1932 – полпред ОГПУ по Средней Азии. С дек. 1934 – нач. УНКВД по Саратовскому краю и обл. Арестован 17.5.1937, расстрелян без суда «в особом порядке». В 1957 реабилитирован.

²⁶ Характерны предельно оптимистичные, но крайне далекие от реальности телеграммы и письма главы ВЧК Ленину от августа 1920 г. о том, что якобы в Польше многие симпатизируют наступлению РККА на Варшаву и «восторженно» ее встречают, а «рабочая масса Варшавы ждет прихода Красной Армии». *Дзержинский Ф.Э.* Избранные произведения в 2 т. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. С. 293–295.

²⁷ Этой деятельностью руководила особая разведывательно-диверсионная структура – Польская организация войсковая, созданная генеральным штабом польской армии. Ряд ее основных работников был захвачен в плен и затем с санкции Дзержинского переведен с принятием на официальную чекистскую службу, составив заметную группу опытных контрразведчиков в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД (И. Сосновский, К. Роллер и др.).

²⁸ В 1933 Гай (Бжишкянец) Гая Дмитриевич (1887–11.12.1937, Москва). Чл. компартии с 1904. Армянин, род. в Тебризе (Персия) в семье народного учителя. С 1903 в революционном движении. В июле 1918 сформировал и возглавил 24-ю дивизию, в 1919 командовал 1-й армией Восточного фронта, проявлял жестокость к военнопленным. Во время советско-польской войны возглавлял 3-й конный корпус, который в конце авг. 1920 с частями 4-й армии был прижат к польско-немецкой границе и наголову разгромлен поляками, после чего его остатки перешли в Восточную Пруссию, где корпус был интернирован немцами. В 1922 – наркомвоенмор Армении. Впоследствии окончил Военную академию им. Фрунзе, командовал кавдивизией, корпусом. В 1933–35 – профессор и нач. кафедры в Военно-воздушной академии им. Жуковского. В июне 1935 уволен из РККА и исключен из ВКП(б). Арестован 3.7.1935 по обвинению в «создании военно-фашистской организации в РККА» (признал, что «будучи выпивши, в частном разговоре с беспартийным сказал, что „надо убрать Сталина, все равно его уберут“»). Осужден к 5 годам заключения, пытался бежать при этапировании из Москвы. В 1937 был вторично осужден, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

²⁹ Возможно, что данный фрагмент выступления Дзержинского передан тенденциозно.

Во время беседы с Феликсом Эдмундовичем была организована «закуска». На первое заварили морковный чай, а к нему был хлеб с повидлом, причем повидла было больше, чем хлеба, который в те дни был крайне дефицитен.

Из личных запасов Медведя для «банкета» была взята единственная, долго сохраняемая для какого-либо торжественного случая банка сгущенного молока (из белопольских продовольственных трофеев, не то американского, не то французского происхождения). В то время это было исключительным деликатесом.

– Богато живете, товарищи! – сказал Феликс Эдмундович, покосившись на открытую банку со сгущенным молоком.

После окончания беседы и «банкета» товарищ Дзержинский в сопровождении Медведя и еще кого-то отправился на вокзал, где председатель польского ревкома Мархлевский, Дзержинский, а также другие работники польского ревкома жили в те дни в железнодорожном вагоне. От возвратившегося Медведя мы узнали, что Дзержинский, Мархлевский и другие выехали в тот же день из Минска в Смоленск, а затем в Москву.

Через некоторое время до нас дошли сведения, что белополяки под командованием генерала Желиговского³⁰ напали на белолитовцев и захватили Вильно³¹. Создавалось угрожающее положение для Минска³². Началась эвакуация советских и партийных организаций. [Наш] Особый отдел также выступил из Минска и пешим строем направился к Смоленску.

3) Дорога на Смоленск

Весь наш поход был крайне напряженным, так как мы получили сведения о проникновении частей белополяков к нам в тыл, в результате чего мы чуть ли не оказались в окружении. Поэтому весь марш проходил в настороженной боевой обстановке. Вперед высылались разведчики, остановки были кратки и обставлены со всеми необходимыми предосторожностями. Весь отряд готов был в любой момент вступить в бой.

Находясь в дороге, мы получили приказ командования направиться в город Рославль Смоленской губернии.

В Рославле к моменту нашего прибытия скопилось очень много эвакуированных советских учреждений и воинских частей. Там же находился штаб первой польской Красной армии (начальником особого отдела этой армии, как я уже упоминал, был Ян Ольский).

В скором времени обстановка позволила перевести все учреждения Западного фронта в Смоленск³³.

В то время председателем Смоленской губчека был старый большевик, в прошлом рабочий-столяр Тарасевич³⁴, а его заместителем Антонов³⁵. Оба они были грозой

³⁰ Желиговский Люциан Мечислав Рафаил (1865–9.7.1947, Лондон), польский генерал, глава Срединной Литвы. Из шляхтичей, с 1885 служил в российской армии, во время Первой мировой войны полковник. После Февральской революции стал одним из организаторов польских нац. частей в России, командовал бригадой. В 1918 формировал польские части на Кубани. В апр. 1919 вернулся в Польшу во главе 4-й польской стр. дивизии, командовал Литовско-белорусским фронтом. С окт. 1920 – командир 1-й Литовско-белорусской дивизии, с негласной санкции Пилсудского 9.10.1920 занял Вильно и часть юго-восточной Литвы. В 1925–26 – военный министр Польши, с 1927 в отставке. В 1939 эмигрировал, был чл. польского правительства в изгнании.

³¹ 9 октября 1920.

³² Расстояние от Вильно (Вильнюса) до Минска составляет 185 км.

³³ Приказом ВЧК от 27.12.1920 «О реорганизации охраны границ РСФСР» охрана всей границы с Польшей была возложена на Особый отдел Зап. фронта в Смоленске и пять пограничных особых отделений – в Полоцке, Лепеле, Минске, Слуцке и Житковичах.

³⁴ Правильно: Тарашкевич Иосиф Владимирович (1884–1950). Чл. компартии с июня 1917. Белорус. Окончил сельскую школу, слесарь. С 1915 по янв. 1918 служил в русской армии. С авг. 1918 работал в ВЧК, следователь. До мая 1919 – нач. Юридического (следственного) отдела ЧК при СНК ССР Литвы и Белоруссии, затем пред. Минской губЧК, перед бегством из Минска заявил о расстреле 167 чел. С сент. 1919 по апр. 1923 – пред. Смоленской губЧК и губотдела ГПУ. В 1923–28 – нач. Пензенского губотдела ОГПУ, затем – нач. Вятского окротодела ОГПУ, пом. полпреда ОГПУ по Нижегородскому краю по милиции. С 1933 – нач.

контрреволюции в Смоленске. Из Смоленска мы несколько раз выезжали в Дорогобужский уезд, где крупная вооруженная банда, возглавляемая бывшим учителем эсером, совершала дерзкие налеты, убивая деревенских активистов, советских и партийных работников. Банда была многочисленна и хорошо вооружена, поэтому, кроме работников Смоленской [губ]ЧК и особого отдела Западного фронта, на ликвидацию ее выезжали воинские подразделения.

Из Смоленска меня откомандировали в особый отдел Запасной армии Зап. фронта в г. Вязьму. Нач. особого отдела там был т. Милов, а заместителем Сергей Холоднов³⁶, боевой особист и чудесный товарищ. (С Холодновым я работал в 1922 г. в Москве, когда он был пом. нач. особого отдела Мос[ковского] округа, с его женой Зинаидой Холодной работал в 1923 и [19]24 гг. в Секретном отделе ОГПУ в Москве. После Великой Отечественной войны я встречал Холоднова, работающего в Глав. Воен. Прокуратуре в звании полковника юстиции. Зинаида Холоднова ныне персон. пенсионер союзн. значения, член КПСС с 1917 г., проживает в Москве.)

Вскоре особый отдел Запасной армии направил меня в г. Ржев в распоряжение особого отдела одной из дивизий.

4) Ржев

Прибыл я в Ржев в морозный вечер и, зайдя в помещение особого отдела, предъявил свои документы дежурному коменданту. В комнате, кроме коменданта, находился высокий хромой моряк – начальник агентуры Николай Осипов. Он принял меня как родного сына, поместил у себя в комнате, накормил и напоил горячим чаем. Весь недолгий период моей работы в Ржеве я жил с Осиповым в одной комнате. Меня назначили на негласную работу разведчика с непосредственным подчинением Осипову, который был замечательным агентуристом, и за период работы с ним во Ржеве мои знания в этой области значительно пополнились.

Наша группа разведчиков все время получала задания об усилении [наружного] наблюдения за военными работниками интендантской службы, а также за штабными

Саровского особого карантинного лагеря ОГПУ–НКВД. С 1937 – на хоз. работе в Москве. О работе Тарашкевича в Минске летом 1919 говорит письмо Дзержинскому от пред. СНК Лит.-Белорус. ССР В.С. Мицкевича-Капсукаса и пред. ЦИК К. Г. Циховского от 21.8.1919: «ЧК не желала считаться с партией; действовала совершенно самостоятельно и этими действиями... создавала враждебное к нам отношение рабочих масс. <...> Случайно Член ЦК Мицкевич был один раз на заседании "Тройки" (т. Тарашкевич и два т.т. из Особого Отдела Запфронта), где выносились смертные приговоры. При этом совершенно не рассматривались дела приговариваемых, не было их дел даже на столе, а по памяти выносились приговоры. Были случаи, когда никто из присутствующих не знал, в чем обвиняется такой-то. Тогда спрашивали об этом одного или другого сотрудника и заносили фамилию арестованного в список подлежащих расстрелу. <...> ... Со слов сотрудников ЧК известно, что иногда члены "Тройки" и представители Особого Отдела... заходили в камеру, опрашивали арестованных, в чем они обвиняются, и тут же отводили... на расстрел. <...> Подлежащие расстрелу иногда тут же в камере разувались и раздевались. Потом служащие ЧК в присутствии арестованных шумно делили между собой их имущество. <...> Приговоренные к расстрелу иногда могли выкупаться. Это делалось официальным путем <...> Очевидно, в паническом состоянии перед своим бегством председатель ЧК Литбел вместе с представителем Особого Отдела Запфронта Антоновым в пьяном виде произвели безобразную экзекуцию над приговоренными к расстрелу. Прежде чем расстрелять их, они издевались над ними настолько, что некоторые сотрудники по этому поводу даже выразили протест перед ЦК Литбел. Когда ничего не удалось выпытать, семь человек были расстреляны; в живых оставлен только Глуховский, мать и отец которого на его глазах были расстреляны. Трупы расстрелянных были оставлены на дворе ЧК, в подвале, не зарытыми в землю. <...> Бессистемными расстрелами направо и налево было лишь усилено враждебное отношение населения к советской власти... До глубины души были возмущены поведением ЧК даже многие партийные товарищи. Нам стоило немалых усилий, чтобы успокоить Минский Рабочий Полк, который готов был разнести ЧК». <https://www.politforums.net/belorussia/1408611632.html>

³⁵ Возможно, П.С. Антонов.

³⁶ Холоднов Сергей Ильич (1891–?). Бригвоенюрист (1936). На 1936 – пом. военного прокурора Сев.-Кавказского военокруга. Умер примерно в конце 1940-х.

работниками, многие из которых, как оказалось впоследствии, были связаны с белогвардейским движением. В связи с этим нам по долгу службы постоянно приходилось бывать в различных общественных местах³⁷.

Как-то мы вдвоем с одним из разведчиков присутствовали на вечере танцев. Вдруг в разгаре танцев началась паника. Оказалось, что помещение оцеплено какими-то людьми. Несмотря на то, что у нас, кроме osobистских документов, были документы обычных военнослужащих, все же мы с напарником на всякий случай выскочили из зала через окно в сад.

Оказалось, что в тот день в Ржеве проводилось городское партийное собрание и многие члены партии на него не явились³⁸. Тогда секретарь уездной парторганизации, зная, что в этот же вечер проводится вечер танцев, взял бойцов отряда особого назначения (ЧОН), окружил здание танцульки, и организовал проверку документов. Во время проверки у всех коммунистов, оказавшихся на танцулке, отобрали партбилеты.

Не знаю, чем окончилось это изъятие партбилетов, но думаю, что по строгим законам коммунистической морали того времени, коммунисты, предпочитавшие танцулку партсобранию, вряд ли были восстановлены в партии³⁹.

Помню, что во Ржеве мне «посчастливилось» впервые в жизни прослушать оперу Чайковского «Евгений Онегин». Исполнителями были красноармейцы и какие-то местные девушки. Сопровождал оперу баянист и пианистка, причем рояль был ужасно расстроен. Несмотря на все это, опера имела большой успех. Лично я ранее никакой оперы нигде еще не слышал, хотя знал, что они должны исполняться под оркестр, но все же получил большое удовольствие. Вообще постановка оперы в то тяжелое время была большим достижением, даже подвигом, особенно если учесть, что исполнялась она в холодном неотапливаемом помещении (зимой), полуголодными людьми и для полуголодных зрителей.

Вскоре из особого отдела Запасной армии я снова был откомандирован в особый отдел Западного фронта и оттуда в Белорусское ЧК в город Минск.

5) Снова Минск

Минск в те дни представлял собою типичный прифронтовой город. Положение с продовольствием было крайне тяжелое⁴⁰. Населения на улицах почти не было видно⁴¹, только изредка проходили усиленные военные патрули. Но через некоторое время в город вернулись советские организации, и жизнь понемногу начала налаживаться.

Нам, чекистам, досталась самая тяжелая работа. Второй отдел польского генерального штаба забросил в Минск много белогвардейцев, в городе орудовали провокаторы, распространявшие всевозможные панические слухи⁴², не говоря уже о контрреволюционной

³⁷ Имелось в виду секретное наблюдение за командным составом, причем, учитывая скромные размеры Ржева, преимущественно в различных культурно-увеселительных заведениях.

³⁸ Тогдашние продолжительные и формализованные партийные собрания, являвшиеся, с точки зрения начальства, важным мобилизирующим ритуалом, очень часто прогуливались коммунистами во всех регионах, что порой вызывало реакцию начальства наподобие вышеописанной.

³⁹ Напротив, практика взысканий за подобные нарушения партийной дисциплины говорит о том, что скорее всего основная часть виновных смогла вернуться в ряды РКП(б).

⁴⁰ Из-за продразверстки и запрета торговли подвоз продуктов в города был минимальным и в значительной степени нелегальным.

⁴¹ Из-за комендантского часа и постоянных проверок документов.

⁴² Большевицкая власть крайне болезненно относилась к распространению враждебных сведений о своей деятельности и кадрах, постоянно публично уверяя, что негативные отзывы – дело рук врагов народа.

деятельности спекулянтов⁴³, пользующихся тяжелым положением с продовольствием и орудующих воем⁴⁴.

На отдельные населенные пункты, а также на уездные центры Белоруссии систематически совершали налеты банды Булак-Балаховича⁴⁵ и Савинковского союза «Защиты родины и свободы»⁴⁶.

Всю эту нечисть приходилось вылавливать круглые сутки, без отдыха и сна. Бывали такие дни, когда отдельные работники от усталости, бессонницы и систематического недоедания валились с ног.

В те дни я работал в Минской губчека в качестве оперативного комиссара⁴⁷. Председателем ЧК был т. Роттенберг⁴⁸ (впоследствии председатель Крымской ЧК, а в 1933 г. работник ГУЛАГа), начальником оперативной активной части был т. Корф (позднее военный комендант г. Минска. Помню, что тогда Корф был женат на Марьясиной, которая, по рассказам товарищей, и сейчас жива и проживает в Москве).

За давностью я не помню особо интересных или чем-то выдающихся операций, в которых приходилось в то время участвовать.

(В 1965 г. быв[ший] секретарь коллегии Мос[ковского] губ[ернского] отдела ГПУ Роман Борисович Михелев⁴⁹, находясь в санатории для старых большевиков в Кратово⁵⁰, разговорился со старым большевиком Кольцовым, бывшим, как и я, оперативным комиссаром в Виленском особом отделе, а затем в Минской ЧК. Узнав от Михелева, что я жив, Кольцов позвонил мне по телефону и назвал себя. Я сразу же вспомнил его, но когда он стал напоминать мне об одной из операций, во время которой я чуть ли не спас его от верной смерти, я при всем желании ничего не мог припомнить. Ведь в то время операции с перестрелками и постоянным риском для жизни всех участников были обыденными. Каждый чекист, отправляясь на ту или иную операцию, никогда не мог быть уверенным, что благополучно вернется обратно.)⁵¹

⁴³ Борьба со спекуляцией была одним из основных направлений деятельности ВЧК и, в частности, позволяла чекистам существенно улучшать свое продовольственное и материальное положение, поскольку им полагался определенный процент конфиската.

⁴⁴ В 1919, по признанию Ленина, половина продовольствия в города доставлялась нелегально мешочниками и продавалась на черном рынке, что и позволило городскому населению спастись от вымирания.

⁴⁵ Булак-Балахович (Балахович) Станислав Никодимович (1883–10.5.1940, Варшава) – военный и политический деятель, авантюрист, генерал Белой армии и Войска Польского. В 1918 полк Балаховича участвовал в подавлении крестьянских восстаний. В ноябре 1918 Б. перешел с 400 чел. своего отряда из РККА к белым, произведен в ротмистры, затем полковник. В мае 1919 захватил Псков. В 1920 с помощью Б.В. Савинкова сформировал в Польше из белогвардейцев-эмигрантов несколько крупных отрядов (затем – Народно-добровольческая армия) и стал производить налеты на территорию Белоруссии. К ноябрю 1920 численность НДА составляла до 14 тысяч бойцов при 36 орудиях и 150 пулеметах. По сов. данным, от жестоких действий отрядов Б. пострадало около 40 тыс. чел. В Польше его войска в конце 1920 были интернированы и разоружены. После оккупации Польши в 1939 пытался организовать партизанский отряд; убит в Варшаве немецким патрулем.

⁴⁶ Нелегальная антибольшевистская организация «Народный союз защиты родины и свободы», созданная Б. В. Савинковым в 1918 и существовавшая до 1924.

⁴⁷ Данная должность подразумевала специализацию на обысках и арестах.

⁴⁸ Роттенберг (Ротенберг) Александр Иосифович (1886 – после 1943). Чл. компартии с 1905. С 1917 – чл. исполкома Моссовета. С 1918 в ВЧК, нач. следчасти Отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК. В 1919–20 – уполномоченный ВЧК на Зап. фронте. С дек. 1920 по 3.6.1921 – пред. Минской губЧК и пред. Белорусской ЧК. С 23.7.1921 по сент. 1922 – пред. ЧК и нач. облотдела ГПУ Крымской АССР. Был снят с должности по требованию обкома партии. В 1923 уволен из ГПУ, был на хоз. и дипломатической работе. В 1930-е работал в наркомсвязи СССР, затем в наркомздраве. В 1943 парткомиссией Главпура РККА был исключен из ВКП(б).

⁴⁹ Михелев Роман Борисович (1887–1974). Чл. компартии. Сотрудник ВЧК–ГПУ. Подвергался репрессиям.

⁵⁰ Дачный поселок под Москвой.

⁵¹ Такое самоощущение было характерным и для военнослужащих, и для чекистов периода Гражданской войны. Известный украинский поэт и бывший сотрудник Белорусской ЧК Д. Фальковский в одном из стихотворений писал: «Хіба ж не все рівно для нас, для чекістів, Чи завтра вмирати, чи тепер?» Фальківський Д.Н. Поезії. Київ: Радянський письменник, 1989. С. 52.

Запомнился случай, подобный произошедшему в Двинске, когда во время обыска у бывшего владельца ювелирного магазина, руководитель нашей группы (один из оперативных комиссаров, кажется, Гольдберг, по происхождению сын раввина) – незаметно для других спрятал в карман часть найденных при обыске золотых вещей. По окончании операции я доложил о случившемся начальнику оперативной части т. Корфу, который вызвал Гольдберга, произвел у него личный обыск и нашел в кармане украденные золотые вещи. По приговору коллегии Губчека этот мародер был расстрелян⁵².

Секретарем Секр[етно]-опер[ативного] отдела был старый большевик Аггей Колосов⁵³, казавшийся нам стариком, хотя ему было, наверное, лет 28. Он старался почаще назначать на ночные и вечерние дежурства нас, молодежь, а когда мы пытались возражать, говоря, что только что отдежурили, он строго усовещивал:

– А у тебя что, дома дети плачут, что ли? Или лишняя пайка хлеба помешает? Оставайся и дежурь!

Мы подчинялись, так как все немножко побаивались его сурового вида. (Ныне А. Колосов в Москве, на пенсии.)

В связи с тяжелым положением с продовольствием нам часто приходилось устраивать облавы на базаре в районе Немиги, где мы конфисковывали большие партии муки и других продуктов, привозимых из районов кулаками и торговцами. Также Минское ЧК периодически производило облавы на проституток, которые не только являлись источником заразы венерическими болезнями и паразитическим элементом, но и использовались агентами 2-го отдела польского генштаба в целях шпионажа.

(Между прочим, у известного минского врача-терапевта Шапиро, занимавшегося частной практикой, на дверях красовалась характерная для тех лет надпись, оповещавшая, что для пролетариев и членов профсоюза – одна цена, а для всех нэпманов – другая, более высокая.

Не знаю, читали ли эту надпись минские проститутки, или, наоборот, Шапиро позаимствовал текст надписи у них, но все они, прохаживаясь по вечерам по бывшей Губернаторской и Захарьевской улицам, цинично заявляли, приглашая клиентов: «Красноармейцам и членам профсоюза 50 % скидка»⁵⁴.)

Однажды, встретив на улице группу проституток, я увидел среди них мою землячку, красивую молодую женщину Мириам, которая во время немецкой оккупации в Вильно помогала нам приобретать у немецких офицеров оружие, работая официанткой в одном из кафе.

– Что ты здесь делаешь, Мириам? – спросил я.

– Разве не видишь сам, – кивнув в сторону удалявшейся группы проституток, ответила она.

Затем Мириам рассказала, что в Вильно сошлась с каким-то человеком, который привез ее в Минск и бросил, уехав куда-то в другой город. У нее родился ребенок. Оставшись без всяких средств к существованию и не имея возможности устроиться на работу, она, чтобы прокормить себя и ребенка, стала профессиональной проституткой. Закончив свой печальный рассказ, Мириам показала мне окно комнаты в полуподвальном помещении, где жила. Когда я стал предлагать ей помочь устроиться на работу, она возразила, сказав, что такой возможности нигде нет.

На следующий день я с кем-то из товарищей зашел к ней днем домой. Она жила в маленькой комнате с нарами, на которых находился ребенок. Узнав, что она в этой комнате,

⁵² Подобные показательные казни были типичными для органов ВЧК и были призваны демонстрировать принципиальность на фоне высочайшей криминализированности чекистской корпорации. Нередко сообщения о расстрелах чекистов за должностные преступления публиковались в прессе.

⁵³ Колосов Аггей Тимофеевич (1893 – после 1965). Капитан ГБ (1935). В 1933 награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ОГПУ». На 1938 – сотрудник 3-го (КРО) отдела ГУГБ НКВД СССР, с 27.1.1939 уволен вовсе из НКВД. С 25.2.1941 формулировка увольнения изменена на «уволен по болезни».

⁵⁴ Это говорило не столько о цинизме «жриц любви», сколько о массовости красноармейской и пролетарской клиентуры.

при ребенке, принимает «гостей», я ужаснулся и снова стал уговаривать ее изменить образ жизни. К сожалению, я не мог подыскать для нее какую-либо работу, да и, главное, ей не с кем было оставлять маленького (полуторогодовалого примерно) ребенка, т. к. в Минске у нее не было ни родственников, ни знакомых.

Через несколько дней, когда группа наших работников, и я в том числе, производили очередную облаву, в числе других проституток была задержана и моя виленская знакомая. Она умоляла меня отпустить ее, но я не мог этого сделать. Но когда мы привели задержанных в комендатуру, я сказал дежурному помощнику коменданта Юре Томчину⁵⁵, что среди пойманных находится моя виленская землячка, которая помогала нам в Вильно в 1918 г. доставать оружие у немцев, и что она сейчас живет в Минске с маленьким ребенком в тяжелых условиях. Томчин разрешил мне отпустить ее домой.

Выводя Мириам из комендатуры, я просил, чтобы она хотя бы несколько дней не показывалась на улице.

– А на что жить? – грустно улыбнувшись, спросила она.

Тогда я отдал ей все деньги, которые в тот момент были у меня. Она стала благодарить меня и заплакала.

Вскоре мне пришлось уехать из Минска, и я больше никогда не встречал Мириам. Но на душе у меня остался горький осадок. Ведь я не смог ничем ей помочь, чтобы вырвать ее и ребенка из грязного омута, в который она попала.

Вспоминается еще одно отвратительное преступление, вскрытое органами ЧК в тот период в Минске.

На минском базаре вдруг появилась в довольно большом количестве полукопченая колбаса с чесноком, называемая продавцами «минская-еврейская», которая продавалась «из-под полы». При очередной облаве задержали несколько торговков с этой колбасой. Произведенным следствием было установлено, что староста еврейского кладбища, в компании с одним из раввинов и могильщиков, выкапывали трупы только что захороненных покойников и после соответствующей обработки изготавливали из них «минско-еврейскую» [колбасу].

Работниками ЧК была организована засада и вся шайка бандитов была поймана с поличным в момент заготовки «сырья» для колбасы. Насколько помню, человек шесть этих мародеров были расстреляны.

Несмотря на то, что эта операция и суд над шайкой мародеров проводились в строжайшей тайне, о чем все сотрудники ЧК были строго предупреждены, слухи о вскрытии этого преступления просочились в город. И нам долго приходилось принимать все возможные меры для опровержения этого факта, так как люди, которые покупали и ели эту колбасу, а также родственники похороненных покойников, узнав правду, могли сойти с ума.

– Скажите, правда ли, что расстреляли нескольких евреев за то, что они делали колбасу из покойников, – допытывалась у меня моя квартирная хозяйка.

– Да что вы, не верьте слухам. Это просто глупая сплетня, – уверял ее я.

– Я так и знала, – с торжеством говорила хозяйка. – Никогда не поверю, чтобы честный еврей мог резать трупы своих же евреев. Да и колбаса эта была хорошая, я сама ее ела.

«Скажи, дура, спасибо, что не знаешь правды», – глядя на нее, думал я, но вслух продолжал уверять ее, что были расстреляны преступники, совершившие совсем другое преступление.

⁵⁵ Томчин Юрий (Юдель) Яковлевич (1898–28.8.1938, Москва). Капитан ГБ (1935). Чл. компартии с 1922. Родился в Минске в семье рабочего-литейщика, еврей. С 1905 жил в США. После возвращения в Россию работал конторщиком, служил в армии. С 1919 – в органах ВЧК, с 1921 – в Иностранном отделе ВЧК. Окончил двухгодичный рабфак. Работал в Италии, Германии и других странах Европы, в центральном аппарате (пом. нач. бюро виз в отделе виз и регистрации ИНО ГУГБ НКВД). Арестован 10.4.1938, осужден к ВМН по обвинению в шпионаже. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

8. Командировка в Грузию

1) Москва

В середине января 1921 г. председатель Минской ЧК Роттенберг вызвал к себе нескольких товарищей, из которых помню: Шостака (из Витебска), Юру Томчина с женой, Шумахера и меня (из Центрального аппарата ЧК Белоруссии), фамилии остальных не помню. Всего нас было человек 8–10.

Роттенберг сообщил нам, что по приказу товарища Дзержинского группа работников откомандировывается в распоряжение ВЧК в Москву.

Через день все мы выехали в Москву и явились в [здание] ВЧК, расположенное на Лубянке, в доме бывшего страхового общества «Россия». Центральный подъезд выходил на Лубянскую площадь, а правее, ближе к Мясницкой улице (ныне ул. Кирова⁵⁶) был вход в комендатуру, где мы получили пропуска. (Позднее, после того, как в этом подъезде была брошена бомба, кажется, племянницей Кутепова⁵⁷ и ее помощниками⁵⁸, вход этот был ликвидирован.)

Получив пропуска, мы вошли через Центральный подъезд и поднялись на второй этаж, где нас принял начальник административного отдела ГПУ⁵⁹ Абрам Аронович Флексер⁶⁰. (Последние годы жизни Флексер жил в Москве, был персональным пенсионером и скончался в [19]73 или [19]74 г. Пока он был жив, мы все время поддерживали с ним дружеские связи).

Флексер сообщил нам, что одновременно с нами в распоряжение ВЧК вызваны в Москву работники и из других городов РСФСР, часть которых уже прибыла, а когда соберутся все, с нами будет беседовать товарищ Дзержинский. Пока же мы можем немного отдохнуть и погулять по Москве. И он раздал всем нам билеты в разные театры.

Мы с Томчиным попали на дневной спектакль во Второй МХАТ (ныне Детский театр, на Театральной площади). Не помню, какой шел спектакль, но на нас большое впечатление произвела замечательная игра актеров, и в особенности, знаменитого тогда Чехова⁶¹ (впоследствии, к сожалению, уехавшего за границу).

В Москве я был впервые. Зимой 1921 года она представляла собой неприглядное зрелище. Холодно, голодно, грязный снег, почти никакого освещения.

Но и в этой тяжелой обстановке чувствовался бурный и сильный пульс новой жизни страны, недавно покончившей с гражданской войной и продолжавшей еще вести бои против отдельных банд, и напряженнейшую борьбу с голодом и разрухой.

Нашу группу устроили жить в общежитии ВЧК на Большой Лубянке, дом № 11 (ныне ул. Дзержинского⁶²).

⁵⁶ В 1918 переименована в Первомайскую, в 1935 – в ул. Кирова, в 1990 возвращено историческое наименование.

⁵⁷ Имелась в виду вдова белого офицера Мария Захарченко-Шульц, группа которой в июне 1927 пыталась взорвать и поджечь общежитие ОГПУ на Лубянке. Взрыв в бюро пропусков ОГПУ 6.7.1928 организовала боевая группа ровсовцев под командованием штабс-капитана Г. Н. Радковича.

⁵⁸ А.О. Опперпуг (Стауниц) и Ю.С. Петерс (Вознесенский).

⁵⁹ Правильно: ВЧК.

⁶⁰ Правильно: Флексер Абрам Петрович (1894–1972). Чл. компартии с 1918. Из семьи лесопромышленника, еврей. Окончил два курса мед. фак-та Саратовского ун-та. С 1918 – секретарь Саратовской губЧК, с 1919 – пом. нач. инфотдела Особотдела 10-й армии, с 1920 – инспектор, нач. адморготдела Особотдела Юго-Западного фронта. С 1921 – нач. АОО ВУЧК, пом. нач., врид нач. и нач. адмтдела АОУ ВЧК–ГПУ–ОГПУ. С 1931 – нач. УМ и угрозыска при СНК Крымской АССР, с 1932 – нач. УРКМ и пом. полпреда ОГПУ по Белорусской ССР по милиции и угрозыску. С 1934 – в Дмитлаге НКВД, пом. нач. Волжского ИТЛ. В апр. 1939 уволен из НКВД. Жил в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁶¹ Чехов Михаил Александрович (1891–1.10.1955, Беверли-Хиллз, Калифорния, США), русский и американский драматический актер, театральная педагог, режиссер. Племянник А.П. Чехова. Заслуженный артист Российской Республики (1924), невозвращенец.

⁶² С 1990 снова Большая Лубянка.

Через два-три дня, когда съехались остальные вызванные товарищи (всего нас собралось около сорока человек), мы явились к назначенному часу к товарищу Флексеру, который повел нас на третий этаж, где направо находилась приемная.

В приемной сидели: секретарь Феликса Эдмундовича, как мы потом узнали – Герсон⁶³, и особоуполномоченный по охране т. Беленький⁶⁴.

Около письменного стола секретаря стоял большой шкаф. Каково же было наше удивление, когда вдруг дверцы шкафа отворились и оттуда вышел Дзержинский. (Шкаф являлся замаскированным тамбуром к двери в кабинет Дзержинского.)

Феликс Эдмундович пригласил нас к себе в кабинет и предложил рассаживаться.

В кабинете стоял простой письменный стол, стулья и направо, за ширмой, узкая железная кровать.

Из секретариата внесли дополнительные стулья, и все мы кое-как разместились.

Товарищ Дзержинский объявил нам, что мы откомандировываемся в распоряжение полномочного представителя ВЧК по Закавказью, товарища Русанова⁶⁵, для выполнения особо важного боевого задания. Он предупредил, что в Закавказье специфическая обстановка и нам надо там вести себя достойно и безукоризненно, а также всегда быть готовыми к любой опасности.

Феликс Эдмундович подчеркнул, что, кроме всего прочего, в Закавказье нам придется столкнуться с людьми разных, в то время отсталых, национальностей, которые еще не понимают значения Великой Октябрьской Социалистической революции, и мы своим поведением и действиями должны олицетворять высокий моральный облик коммуниста-чекиста. Всегда быть справедливыми, честными, скромными в быту и беспощадными к врагам революции⁶⁶.

– Поймите, – говорил Феликс Эдмундович, – что каждый чекист прежде всего должен быть образцовым коммунистом.

Затем Дзержинский поинтересовался, снабдили ли нас на дорогу продуктами, и, узнав, что все положенное нам уже выдали, грустно улыбнувшись, сказал:

– Ну что ж, товарищи, конечно, это «не густо», но в скором времени страна заживет лучше и всем будет легче.

Пожелав нам счастливого пути, Феликс Эдмундович тепло, по-отечески, пожал каждому из нас руку.

Томчина с женой оставили в Москве, так как жена была в положении и ждала ребенка.

⁶³ Герсон Вениамин Леонардович (1891–26.1.1940, Москва). Майор ГБ (1935). Чл. компартии с 1917. В 1918 – секретарь Отдела военного контроля РВС Республики. С 1919 – секретарь Особого отдела ВЧК. С февр. 1920 по июль 1926 – секретарь пред. ВЧК–ОГПУ, одновременно с 1922 пом. управделами ГПУ–ОГПУ. С 1936 – пом. нач. Секретариата НКВД СССР. С 1938 – нач. управления Центр. совета спортивного общества «Динамо». Арестован 3.3.1938. Расстрелян. Реабилитирован в 1955.

⁶⁴ Беленький Абрам Яковлевич (ок. 1883–16.10.1941, Москва). Майор ГБ (1935). Из мещан, еврей. В мае – дек. 1917 – зав. типографией ЦК РСДРП(б) «Труд» в Петрограде. С 1917 в ВЧК, в 1921–22 – чл. коллегии ВЧК, нач. спецотделения при Президиуме ВЧК и Коллегии ГПУ–ОГПУ. Отвечал за охрану высшего руководства СССР. С 1930 – особоуполномоченный при пред. ОГПУ – нарком внутренних дел СССР. В 1937–38 – пом. особоуполномоченного НКВД СССР. Арестован примерно в мае 1938 и осужден к 5 годам лишения свободы за «антисоветскую агитацию». Впоследствии был возвращен из концлагеря в Москву и 7.7.1941 осужден к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

⁶⁵ Русанов Григорий Александрович (1893–23.12.1937, Смоленск). Чл. компартии с 1916. Образование неполное высшее. В ЧК–ГПУ с июня 1918 по нояб. 1923. В 1918–20 – нач. Особотдела ВЧК 1-й и 3-й армий. С июля 1920 по июнь 1921 – нач. Особотдела Кавказского фронта и полпред ВЧК–ГПУ на Кавказе, нач. Особотдела Отдельной Кавказской армии. С 21.8.1922 по 1923 – полпред ГПУ в Туркестане, нач. Особотдела Туркфронта. В 1923–30 – на руководящей работе в ВСНХ СССР. С 1930 – чл. коллегии НКПС СССР, с 1932 – нач. Московско-Белорусско-Балтийской ж. д., с 1936 – нач. Западной ж. д. Арестован 26.11.1937. Покончил с собой во время допроса.

⁶⁶ Традиционная формулировка награждений в 1920–1930-х годах обычно начиналась словами: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией/ бандитизмом...»

На следующий день мы выехали специальным поездом в Ростов. Поезд считался специальным потому, что в нем ехал член Совета Труда и Оборона РСФСР товарищ Эйдук⁶⁷.

Ехали мы до Ростова около недели, так как все время происходили задержки по тем или иным причинам. То надо было очистить пути от снега, то не хватало дров для паровоза. При каждой задержке отряд, сопровождавший Эйдука, «выгонял» всех пассажиров, в том числе и нас, на работы по очистке путей или заготовке дров.

2) Ростов

Наконец мы прибыли в Ростов. Был замечательный солнечный день, пахло весной (хотя было только начало февраля). Юркие спекулянты продавали на вокзале копченую рыбу и белые булки. Мы, приехавшие из голодной России, были просто ошеломлены подобным обилием, но так как денег на покупку этих роскошных вещей не хватало, то многие из нас тут же променяли на продукты все что только было возможно из своих личных носильных вещей – белье и прочее. Хотя надо подчеркнуть, что в те дни далеко не у каждого из нас была вторая смена белья.

В Ростовской ЧК нас принял заместитель полномочного представителя ВЧК Седрак Николаевич Маркарьян⁶⁸. Это был обаятельный и жизнерадостный молодой человек, лет 23-[2]4-х, с огромной копной темных вьющихся волос. Он разговаривал с нами не как большой начальник, а как настоящий друг и товарищ. Прежде всего он спросил, как насчет «шамовки», и мы доложили, что уже всухомятку заправились продуктами, добытыми у спекулянтов.

Маркарьян распорядился прикрепить всех нас к чекистской столовой и разместить в клубе ЧК. (Впоследствии, в Москве, мы очень дружили с Маркарьяном.)

Мы пробыли в Ростове дня три, и, надо сказать, что ростовские чекисты оказались гостеприимными хозяевами. К нам в клуб то и дело приходили девушки-чекистки, справлявшиеся, не нуждается ли мы в чем-либо еще. В ростовской чекистской столовой кормили несравненно лучше, чем в Москве. Нас там угощали даже котлетами – роскошь по тем временам невиданная, правда, увы, из конины.

Перед отъездом нашу группу принял полномочный представитель Ростовского ЧК⁶⁹ тов. Русанов, который поговорил с каждым из нас, расспрашивая о прежней работе, а затем сообщил, что мы едем в распоряжение председателя Терской ЧК товарища Цинцадзе⁷⁰ во Владикавказ. Русанов подчеркнул, что мы едем на выполнение особо важного боевого задания, сказал, что в горах не совсем спокойно, что там орудуют отдельные националистические банды, и нам нужно быть готовыми к любой опасности и, главное, не

⁶⁷ Эйдук Александр Владимирович (1886–28.8.1938, Москва). Чл. компартии с 1903. Из семьи сельского учителя, латыш. Образование среднее. С 1906 на нелегальной партийной работе в Одессе, затем в эмиграции. Чл. Президиума ВЧК с окт. 1918, зам. пред. Особотдела ВЧК в январе – июне 1919. Чл. Коллегии ВЧК с 27.3.1919 до окт. 1921, выделялся крайней жестокостью. Затем на хоз. работе. Решением ЦКК РКП(б) от 23.4.1923 исключен из партии «за пьянство и игру в казино»; беспартийный до 1928. Работал в системе ГУЛАГа ОГПУ–НКВД. Арестован 4.6.1938. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

⁶⁸ Маркарьян Седрак Микаэлович (Сергей Николаевич) (1898–8.10.1937, Москва). Чл. компартии с 1915. Армянин, образование высшее. В органах ВЧК с 1918. С 1920 – зам. полпреда ВЧК по Кавказу. С 1923 – пом. нач. отдела политконтроля, пом. нач. ИНФО ОГПУ. С 1929 – пред. ГПУ Армянской ССР, секретарь Коллегии ОГПУ. В 1932–37 – зам. нач. ГУРКМ ОГПУ–НКВД СССР, директор милиции. В 1937 – зам. нач. УРКМ УНКВД по Саратовской обл., арестован 13.6.1937. Расстрелян во внесудебном порядке. Реабилитирован в 1956.

⁶⁹ Правильно – полпред ВЧК на Кавказе.

⁷⁰ Цинцадзе Котэ Максимович (1887–1930?). Чл. компартии с 1904. Из семьи причетника, грузин. Вел подпольную работу в Закавказье, участвовал в боевых операциях и экспроприациях. Пред. ЧК Терской сов. республики в янв. – февр. 1919 и в 1920–21. С апр. 1921 по нояб. 1922 – пред. ЧК Грузии. С 1923 в левой оппозиции в РКП(б), в 1927 исключен из партии, арестован и в 1928 осужден к ссылке. Публиковался в «Бюллетене оппозиции» Троцкого. Умер от туберкулеза в ссылке (возможно, в тюрьме) в 1930 или 1933.

позорить звание посланцев Советской России – коммунистов-чекистов. И вот, после соответствующих напутствий и теплых проводов, мы выехали во Владикавказ.

3) Владикавказ (Орджоникидзе⁷¹)

Владикавказ произвел на нас ошеломляющее впечатление. Прежде всего бросалось в глаза большое количество военных в городе⁷². На улицах царило оживление, и, несмотря на прохладную погоду, во всех садах, на открытых эстрадах выступали военные духовые оркестры. Звучала музыка кавказских плясок: лезгинка, «танец Шамиля⁷³» и т. п.

Многие из нас, и я в том числе, услышали подобную музыку впервые. Я пришел в такой восторг от «танца Шамиля», что написал на клочке бумаги записку с просьбой повторить его, гордо подписавшись «комиссар ЧК». Дирижер, которому передали записку, разыскал в толпе мою сияющую физиономию и, отвесив мне полупоклон, повторил танец. (Если бы кто-нибудь из руководящих работников узнал об этом «номере», мне не миновать бы суток пяти гауптвахты⁷⁴.)

Но, нарушая это шумное веселье, откуда-то издалека нет-нет да и доносились артиллерийские выстрелы. В Губчека нам сказали, что где-то в горах идут бои с местными бандами, и мы были уверены, что нас пошлют на помощь по борьбе с этими бандами.

Председатель Терской ЧК Коте Цинцадзе принял нас, что называется, с распростертыми объятиями. Он и сейчас стоит перед моими глазами как живой: довольно плотный, слегка рыжеватый, боевой чекист, коммунист-интернационалист, являвшийся для всех нас образцом товарищеской простоты во взаимоотношениях с людьми. (Позднее я узнал, что Цинцадзе был болен туберкулезом в тяжелой форме. Впоследствии, во время партийной дискуссии, он примыкал к троцкистам, но в то время он был чудесным человеком⁷⁵.)

В противоположность ему секретарь коллегии губЧК Яшвили⁷⁶ сразу произвел на всех нас отрицательное впечатление своим махровым национализмом. На нас, приехавших из России, он смотрел свысока и прямо враждебно, как во Владикавказе, так и впоследствии в Тифлисе, где он был секретарем коллегии ГрузЧК. Яшвили постоянно напоминал нам, что мы не в России, а в Грузии, и всячески выпячивал свое превосходство грузина перед другими национальностями.

Однако следует отметить, что Яшвили являлся исключением. В целом аппарат чекистов Грузии состоял из представителей разных национальностей Закавказья, а также из частично влившихся в аппарат представителей из разных краев России. И все мы, и грузины, и русские, и украинцы, и евреи чувствовали себя как братья.

Во Владикавказе мы пробыли несколько дней.

Как-то вечером всех нас, прибывших из Москвы, вызвали в кабинет к товарищу Цинцадзе. Когда все были в сборе, дверь кабинета открылась и вошел товарищ в солдатской шинели, который поздоровался с нами и назвал себя: «Киров».

Цинцадзе представил нам Сергея Мироновича Кирова⁷⁷ как руководителя терских большевиков и члена военного совета 11-й армии.

⁷¹ Владикавказ именовался Орджоникидзе в 1931–1944 и 1954–1991.

⁷² Это было связано с вторжением 11-й армии РККА в Грузию в февр. 1921 с целью советизации республики.

⁷³ Имам Шамиль – культовый герой среди горцев Кавказа. Однако «Танец Шамиля» является популярным прежде всего среди кубанских казаков; отличается неспешным началом и бурной второй частью.

⁷⁴ От чекистов требовалась строгая конспирация как своей деятельности, так и личности.

⁷⁵ Проявление очень характерной для автора идейной нетерпимости и ортодоксальности.

⁷⁶ Возможно, Яшвили Иван Давидович (1885–?), грузин. Перед арестом в 1937 – нач. Учетно-распределительного отдела УМЗ НКВД ГрузССР. Осужден к ВМН по сталинскому списку от 21.10.1937.

⁷⁷ Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1.12.1934, Ленинград). Чл. компартии с 1904. С 1919 – чл. РВС 11-й армии, в апр. 1920 в составе этой армии вступает в Баку, работает чл. Кавбюро ЦК РКП(б), с июня 1920 – полпред Сов. России в Грузии, в окт. 1920 возглавил сов. делегацию на переговорах в Риге по заключению мирного договора с Польшей. С 1921 – 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана. С янв. 1926 – 1-й

Товарищ Киров в простых, доступных словах обрисовал нам сложившуюся обстановку и цель нашего командирования в Закавказье. Он сказал, что в Грузии начались восстания рабочих и крестьян⁷⁸ против меньшевистского правительства – агентов англо-французского империализма, что грузинский народ обратился за помощью⁷⁹ к братскому русскому народу и что 11-я армия уже выступила по направлению к Тифлису, куда придется направиться и нам.

Сергей Миронович подчеркнул специфическую обстановку в Грузии, где долгое время орудовали буржуазные националисты и при отступлении безусловно будут оставлены разведчики, диверсанты для нанесения нам ударов в тылу. Поэтому мы, опираясь на рабочий класс, вместе с грузинскими товарищами должны проявить максимум бдительности и энергии, и беспощадно расправиться с контрреволюцией⁸⁰. Кроме того, поскольку буржуазные националисты и меньшевики вели активную пропаганду против большевиков, всячески очерняя их, нам своим личным примером, поведением, выдержкой и тактом надо убедить грузинский народ в лживости этой меньшевистской пропаганды.

Киров также предупредил нас, чтобы мы не удивлялись наличию в Тифлисе и в других городах Грузии частной торговли, ресторанов и т. п.

К сожалению, более сорока лет, прошедших с того времени, не позволяют мне более подробно восстановить в памяти беседу с нами товарища Кирова, но как сейчас помню то боевое настроение, которое охватило всех нас после разговора с ним. Все мы были готовы идти на любое задание по его приказу и, если понадобится, отдать жизнь за нашу победу. Такова была сила убеждения, когда говорил Сергей Миронович.

(Впоследствии я неоднократно слышал выступления Кирова и несколько раз лично с ним встречался и беседовал во время работы в НКВД⁸¹ в Ленинграде и в Хибиногорске, и каждый раз после разговора с ним у меня был колоссальный прилив энергии и желание выполнить любое его задание как можно лучше и как можно быстрее.)

На другой день было сформировано два отряда чекистов. (Я имею в виду и отряды особого назначения войск ВЧК.) Один отряд направлялся по Военно-Грузинской дороге пешим строем, а второй – поездом через Баку в Тифлис. Я попал в первый отряд.

Надо сказать, что в эти дни начались сильные метели и ветры, а у нас не было ни специального горного обмундирования, ни обуви, ни теплой одежды, поэтому марш по Военно-Грузинской дороге проходил в очень тяжелых условиях.

В отряде была организована разведка, и я попал в число разведчиков. Перед нами была поставлена задача выявлять замаскированные в скалах и в горах вражеские заставы и при необходимости вступать с ними в бой. Правда, никаких крупных боев не произошло. За всю дорогу было две небольших стычки с группами местных бандитов⁸², которые частью были уничтожены, а частью разбежались. Характерно, что у бандитов, убитых нами, было английское оружие.

Трудно описать, с каким невероятным напряжением мы форсировали перевал. Плохо одетые бойцы, не имеющие никакого опыта хождения по горам, проваливались в глубокий

секретарь Ленинградского губкома-обкома ВКП(б), затем секретарь ЦК и чл. Политбюро ЦК ВКП(б). Убит в результате покушения, произведенного Л. Николаевым по личным мотивам. Однако убийство Кирова было использовано Сталиным для резкого ужесточения внутривластной обстановки и усиления репрессий.

⁷⁸ Инспирированные советскими спецслужбами.

⁷⁹ Обращение было подписано коммунистами.

⁸⁰ О жестокости Кирова говорит, например, и фрагмент его выступления в Астрахани в 1919: «Пусть не смущают вас, товарищи рабочие, залпы, которые вы слышите за последнее время по ночам в различных частях города. Это Советская власть расправляется с участниками белогвардейского заговора, который был недавно раскрыт. Это расстреливаются те, которые уже заготовили массу яда для того, чтобы отравить ответственных работников и части Красной Армии. <...> Этими залпами уничтожаются только наши враги, и каждый такой выстрел приближает нас к победе». *Киров С.М.* Избранные статьи и речи (1912–1934). М.: Политиздат, 1957. С. 70.

⁸¹ Следует: в ОГПУ.

⁸² Обычное для большевиков именованье любых повстанцев бандитами.

снег, скользили и падали на обледенелых камнях. Многие из нас во время похода отморозили ноги и руки.

Какова же была радость, когда наконец мы перешли последний рубеж и как будто бы сразу очутились на другом полюсе. За перевалом стояла теплая солнечная погода. Местные жители ходили почти в летней одежде.

Несмотря на антисоветскую пропаганду меньшевиков, грузины из горных аулов встречали нас радостно и со свойственным грузинскому народу гостеприимством. Но времени для долгих остановок у нас не было, надо было идти форсированным маршем на помощь трудящимся грузинской столицы.

4) Тифлис

И вот 25-го февраля 1921 г., преодолевая мелкие стычки с меньшевистскими бандитами, мы, наконец, достигли города Тифлиса. За несколько часов раньше в тот же день в город вступили с другой стороны регулярные части 11-й Кавказской Красной Армии. (Не помню, кто командовал этой армией: Егоров⁸³ или Левандовский⁸⁴. Начальником особого отдела был Панкратов⁸⁵, впоследствии активный троцкист.)

Грузинская ЧК в Тифлисе помещалась тогда на улице Петра Великого, дом № 22.

По прибытии все наши товарищи получили назначения на различные должности в ЧК. Меня назначили оперативным комиссаром активной части [Особого отдела].

Как и предсказывал Киров, в Тифлисе нам предстояла тяжелейшая работа. Почти ни один обыск и арест не обходился без перестрелки. Отступая из Грузии, буржуазные националисты позаботились оставить в Тифлисе и других городах многих шпионов и диверсантов, снабженных всеми видами оружия. Следует еще учесть, что в то время большинство населения в Грузии было вооружено кинжалами, а значительное количество лиц имело маузеры. На базаре, возле Иерусалимской улицы и около Горячих бань почти открыто торговали оружием. И в таких условиях коммунистам и чекистам Грузии приходилось вести самоотверженную борьбу с контрреволюцией, не считаясь ни со временем, ни с усталостью, ежеминутно рискуя жизнью.

Во время отступления из Тифлиса, в последние минуты перед тем, как оставить город, белые особотрядчики, боясь вызвать шум выстрелами, зверски задушили в тюрьме большую группу арестованных коммунистов. (Об этом я узнал от товарищей, участвовавших в захвате тюрьмы.)

В день взятия Тифлиса⁸⁶ я с двумя товарищами – работником Витебской ЧК, в прошлом сапожником, Шостаком и виленским комсомольцем Шумахером – сфотографировались на память в какой-то местной фотографии. Эта карточка до сих пор у меня сохранилась. На

⁸³ Егоров Александр Ильич (1883–23.2.1939, Москва). Маршал Советского Союза (1935). С янв. 1921 командовал войсками Киевского, а с апр. 1921 – Петроградского военных округов. С февр. 1922 – командующий Отдельной Кавказской армией, с 1924 – ком. всеми вооруженными силами Украины и Крыма. В 1931–37 – нач. Генштаба РККА. Арестован в марте 1938, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

⁸⁴ Левандовский Михаил Карлович (1890–29.7.1938, Москва). Командарм 2-го ранга (1935). Чл. компартии с 1920. С июля 1920 по май 1921 (с перерывами) – командующий 9-й армией. Одновременно в окт. 1920 – янв. 1921 – ком. Терской группой войск, в марте – апр. 1921 – ком. 10-й Терско-Дагестанской армией Кавказского фронта. Арестован 23.2.1938, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

⁸⁵ Панкратов Василий Федорович (1891–10.10.1937, Челябинск). Чл. компартии в 1917–28. Русский. С 1912 служил на флоте. В 1917 – комиссар Кронштадта. В ВЧК–ОГПУ в 1919–26. В 1919 – пред. Московской губЧК, в 1919–21 – нач. Особого отдела ВЧК 11-й армии. С мая 1921 – пред. Азербайджанской ЧК. В 1921–22 – полпред ВЧК–ГПУ по Зап. краю. С 1922 – зам. полпреда ОГПУ по ЗСФСР, нач. Особотдела ОГПУ Краснознаменной Кавказской Армии; в 1924 уволен из ОГПУ. Был на хоз. работе, арестован 9.1.1929, осужден к трем годам лишения свободы. Вторично осужден в 1931 к двум годам заключения, освобожден в 1934 и работал экономистом треста «Заготзерно» в Оренбурге. Арестован 9.12.1934 и в 1935 осужден к 5 годам заключения. Вновь осужден (тройкой УНКВД по Челябинской 2.10.1937) и расстрелян. Реабилитирован в 1962.

⁸⁶ 25 февраля 1921.

обороте фотографии записаны фамилии двух моих лучших товарищей по совместной работе в Грузинской ЧК: грузина Курашвили и осетина Гриши Аракелова. Оба они были замечательными боевыми чекистами. Все мы, как оперативные комиссары, участвовали вместе во многих опасных операциях, с перестрелками, поэтому они называли меня своим «кровным братом». К сожалению, их фото у меня нет.

В Тифлисе в то время можно было достать все что угодно из промтоваров, зато с продовольствием было очень тяжело, особенно с хлебом. Этим обстоятельством, конечно, пользовались мародеры и спекулянты, с которыми чекистам приходилось вести беспощадную борьбу.

Надо сказать, что большая часть грузинской молодежи и особенно славные железнодорожники Тифлисского ж. д. узла оказывали чекистам огромную помощь как в вылавливании белогвардейских элементов⁸⁷, так и в борьбе со спекулянтами, а мы, чекисты, круглые сутки занимались очисткой Грузии от вражеских, шпионских и спекулянтских элементов.

Сейчас, конечно, за давностью не помню фамилий белогвардейцев, в операциях по вылавливанию которых я принимал участие, но их было очень много, и почти каждая операция проходила с перестрелкой.

Запомнился арест крупного торговца фруктами, дом которого находился недалеко от памятника Воронцову⁸⁸, у него в подвале было обнаружено огромное количество продовольствия: муки, сахара, жиров, всевозможных консервов иностранных марок, а также много вина. Когда наша группа пришла производить обыск, хозяин дома и его сын начала отстреливаться, мы также вынуждены были пустить в ход оружие. В перестрелке был ранен один наш товарищ и сын хозяина, после чего старый спекулянт вынужден был сдаться. Впоследствии по приговору коллегии ГрузЧК он был расстрелян.

Кроме своей основной работы оперативного комиссара активной части мне постоянно приходилось выполнять отдельные задания руководства ГрузЧК по связи с народными комиссарами Грузии.

В частности, по заданию председателя ГрузЧК Котэ Цинцадзе и начальника секретно-оперативного управления Новицкого⁸⁹, мне дважды пришлось быть у товарища Орахелашвили⁹⁰. Не помню, какой он тогда занимал пост, но знаю, что это был крупный

⁸⁷ Автор именовал так всех антибольшевистски настроенных грузин.

⁸⁸ Воронцов Михаил Семенович (1782–7.11.1856). Граф, князь (с 1845), светлейший князь (с 1852), ген.-фельдмаршал (1856), ген.-адъютант (1815), камергер (1798). Герой Отечественной войны 1812. В 1815–18 командовал русским оккупационным корпусом во Франции. В 1823–54 – новороссийский и бессарабский ген.-губернатор. В 1844–54 – наместник на Кавказе.

⁸⁹ Новицкий Порфирий Иванович (1898–?). Чл. компартии с авг. 1917. Уроженец с. Кочубеевка Полтавского уезда и губ. Из семьи столяра, рабочий (машинист сельхозмашин), украинец, образование начальное. В 1917–18 в Кр. Гвардии, воевал на Украине с немецкими войсками и Центр. Радой. С июня 1918 – сотрудник для поручений Курской губЧК, до февр. 1919 – чл. коллегии Корочанской и Дмитровской уездных ЧК. С февр. 1919 – следователь, зам. зав. Юридическим отделом Курской губЧК, с июля 1919 по апр. 1920 – чл. коллегии и врид пред. Курской губЧК. С апр. 1920 – чл. коллегии Терской облЧК, с марта 1921 по 1.8.1921 – зав. Секретно-оперативным отделом и зам. пред. ГрузЧК. С авг. 1921 – нач. адм.отдела и чл. коллегии Новониколаевской губЧК, не позднее 1.11.1921 назначен нач. СОЧ и зам. нач. Новониколаевской губЧК – губотдела ГПУ. С авг. 1922 по 6.7.1924 – нач. СОЧ и зам. нач. Омского губотдела ОГПУ. Примерно с 1924 работал нач. окротделов ГПУ УССР, на 1928 – нач. ДТО ОГПУ Екатеринбургских ж. д.

⁹⁰ Орахелашвили Мамия (Иван) Дмитриевич (1881–11.12.1937). Чл. компартии с 1903. Из дворян, грузин, образование высшее медицинское. С окт. 1917 по май 1920 – чл. Кавказского крайкома РСДРП(б), пред. ЦК КП Грузии и чл. Кавбюро ЦК РКП(б). С 1921 – пред. Ревкома Грузии, секретарь ЦК КП(б) Грузии. В 1923–25 – зам. пред. СНК СССР, затем зам. пред. СНК Грузии и пред. СНК ЗСФСР. В 1926–1929 – первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), в 1930 – чл. редколлегии «Правды». С 1931 – пред. СНК ЗСФСР, первый секретарь Закрайкома ВКП(б). В 1932–1937 – зам. директора ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). В 1927–34 – чл. ЦК ВКП(б). В 1937 искл. из партии и выслан в Астрахань. Арестован 26.6.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1955.

деятель нашей партии и старый большевик. Это был очень обаятельный и простой в обращении с товарищами человек.

Огромное впечатление произвел на меня Михо Цхакая⁹¹ – председатель ЦИК Грузии. Несколько раз видел я и легендарного героя Камо (Петросяна)⁹², который был частым гостем у чекистов. Тогда же я познакомился и с чудесным товарищем Сашо Гегечкори⁹³, который вскоре стал уполномоченным Совнаркома Грузии по Кутаисской губернии.

Помню, что как-то раз на оперативное совещание в ЧК прибыл Георгий Константинович Орджоникидзе⁹⁴, который выступил с призывом усилить борьбу с белогвардейцами и спекулянтами.

К сожалению, будучи 19-летним и довольно малограмотным парнем, я не обращал внимания на многие значительные факты и не запомнил интересных высказываний многих крупных деятелей, с которыми мне приходилось сталкиваться, о чем теперь очень жалею.

Однако должен отметить, что в то время даже мы, маленькие работники, чувствовали огромную работу о грузинском народе, повседневную помощь и ленинское руководство со стороны бюро ЦК по Северному Кавказу и лично со стороны товарища Орджоникидзе.

Запомнился день «Парижской Коммуны» – 18 марта 1921 г. В честь этого события, а также в честь полного освобождения Грузии, в Тифлисе была проведена первая демонстрация трудящихся города⁹⁵.

Правительство Грузии размещалось тогда в бывшем дворце наместника Грузии – великого князя Николая Николаевича⁹⁶, напротив гостиницы «Ореанда», где я проживал.

Демонстрация вылилась в огромный праздник. Трудящиеся Тифлиса шли по главным улицам с букетами цветов, с песнями и плясками, направляясь к дому бывшего наместника, где на балконе демонстрантов приветствовали представители первого правительства Советской Грузии: Михо Цхакая, Орахелашвили, Орджоникидзе, Котэ Цинцадзе и другие.

Вместе с другими чекистами я находился в охране правительства, и до сих пор в моей памяти сохранились яркие картины этой радостной демонстрации грузинского народа, горячо приветствовавшего своих вождей.

Во второй половине дня по всему Тифлису были устроены большие народные гуляния. Мне запомнилось гуляние в саду (кажется, Александровском), где установлен памятник

⁹¹ Цхакая Михаил (Миха) Григорьевич (1865–19.3.1950, Москва). Из семьи священника, грузин. Учился в Тифлисской духовной семинарии, откуда в 1886 был исключен за революционную пропаганду. В 1892–93 – один из основателей соц.-дем. организации «Месами-Даси». Участник 5-го съезда РСДРП (1907). В 1907–17 жил в Женеве. Вернулся в Россию в 1917 в «пломбированном вагоне». В 1917–20 – чл. Тбилисского комитета РСДРП(б). С 1920 – чл. ИККИ. Депутат Верх. Совета СССР 2–3-го созывов (1938–50).

⁹² Камо (Тер-Петросян) Симон Аршакович (1882–14.7.1922, Тифлис). Известный боевик и авантюрист, экспроприатор, террорист. Применял инсценировки-провокации для определения верности сподвижников. В апр. 1920 принимал активное участие в подготовке вооруженного восстания большевиков в Баку. В мае 1920 приехал в Москву, учился в Академии Генштаба. В 1921 работал в системе Внешторга, в 1922 – в Наркомфине Грузии. Погиб, будучи сбит автомобилем.

⁹³ Гегечкори Александр (?–1928). Зампред СНК Грузии, покончил самоубийством.

⁹⁴ Георгий Константинович Орджоникидзе (1886–18.2.1937, Москва). Чл. компартии с 1903. Из дворян, грузин, образование неполное среднее. В 1917 – чл. исполкома Петросовета. Делегат VI съезда РСДРП(б). В годы Гражданской войны в РККА. Активно участвовал в свержении правительств в Азербайджане, Армении и Грузии и создании ЗСФСР. С 1922 – секретарь Заккрайкома РКП(б), с 1926 – пред. ЦКК ВКП(б), нарком РКИ и зам. пред. СНК СССР. С 1930 – пред. ВСНХ, нарком тяжелой промышленности СССР. Член ЦК партии в 1912–17, 1921–27 и с 1934, чл. Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930–37. Застрелился.

⁹⁵ Проведение постоянных массовых праздников было важным инструментом коммунистической власти для проведения и поддержания мобилизационных кампаний. См.: *Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.

⁹⁶ Николай Николаевич Романов (младший) (1856–5.1.1929, Антиб, Франция). Великий князь, внук Николая I; генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1900). Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской Империи в 1914–15 и в марте 1917. С 23.8.1915 до марта 1917 – наместник Его Императорского Величества на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказный атаман Кавказских казачьих войск. Белоэмигрант.

Пушкину⁹⁷. Вечером в тот же день я выступал, как старый комсомолец⁹⁸, в каком-то клубе перед молодежью Тифлиса. Но закончился праздник, и опять наступили горячие будни, наполненные перестрелками с диверсантами, облавами на спекулянтов, обысками и арестами.

Как-то мне с двумя красноармейцами пришлось находиться в засаде на квартире у какого-то крупного спекулянта. Прошли сутки, начались вторые, а затем и третьи, а нас никто не приходил сменить, а покинуть пост мы не имели права. Телефона не было. Все мы были ужасно голодны, а на квартире у спекулянта были огромные запасы продовольствия, вин и фруктов. Каждый раз, когда они садились за стол, у всех нас прямо-таки текли слюнки, но я считал недопустимым пользоваться продуктами обыскиваемых. Такие вещи по инструкции нам строго запрещались. Между прочим, хозяин каждый раз «любезно» приглашал нас к столу, а мы, хотя были страшно голодны, вынуждены были отказываться. На третьи сутки я, наконец, не выдержал и разрешил красноармейцам и себе съесть несколько яблок.

Когда нас наконец сменили, я доложил начальнику секретно-оперативного управления Новицкому, что нас трое суток не сменяли и это вынудило нас воспользоваться угощением хозяина-спекулянта и съесть у него несколько яблок. Но Новицкий, вместо того чтобы наказать виновников в задержке нашей смены, стал угрожать мне чуть ли не расстрелом за то, что я нарушил инструкцию. Я пожаловался председателю ГрузЧК Кото Цинцадзе, который вызвал к себе Новицкого и начальника активной части, и в моем присутствии крепко поругал их.

После этого инцидента Новицкий, с одобрения секретаря коллегии ГрузЧК Яшвили, который и ранее нас недолго любил, при первой же возможности постарался от нас отделаться, направив группу приезжих чекистов, в том числе меня и Шостака, в распоряжение председателя Кутаисской ГубЧК Лордкипанидзе⁹⁹.

5) Кутаиси

В Кутаисской ЧК меня назначили уполномоченным по экономической работе¹⁰⁰ (т. е. по борьбе с экономической контрреволюцией¹⁰¹). Нам с Шостаком выдали ордер на комнату в доме крупного купца Якобашвили.

Первое время наш квартирный хозяин всячески нас обхаживал и сытно кормил, конечно, за соответствующую плату. Кроме того, мы отдавали ему свой сухой паек. Его дочка пыталась кокетничать и со мною, и с Шостаком, чем доводила до бешенства своего жениха, который, если бы мы не были вооружены, наверное, убил бы нас.

⁹⁷ Бронзовый бюст А.С. Пушкина был установлен в Тифлисе в 1892 г. в городском «Новом саду».

⁹⁸ Характерная самохарактеристика примерно 70-летнего Шрейдера для обозначения статуса 19-летнего юноши.

⁹⁹ Лордкипанидзе Тите Илларионович (1896–14.9.1937). Ст. майор ГБ (1935). Чл. компартии с 1913. Из крестьян, грузин, образование среднее. С окт. 1918 боевик Кавкрайкома РКП(б). Вел нелегальную работу в Грузии, на Украине, в Москве, организовал ряд терактов и побегов из тюрьмы. С мая 1920 – зав. военным отделом Владикавказского (Горского) обкома РКП(б). С июня 1920 – в ВЧК, активный исполнитель красного террора в Крыму в конце 1920. С янв. 1921 на Украине. С апр. 1921 – нач. Кутаисской губЧК. С окт. 1921 в аппарате ГрузЧК: зам. нач. Особотдела, с 1923 – нач. Отдела борьбы с бандитизмом, нач. КРО ПП ОГПУ в ЗСФСР и ЧК Грузии. В 1926–27 – пом. резидента ИНО ОГПУ в Париже. С 1927 – нач. Секретного отдела ПП ОГПУ в ЗСФСР и Грузинского ГПУ, с 1929 – нач. СОУ и зам. пред. ГПУ Грузии. С 1931 – пред. ГПУ ГССР, зам. пред. Закавказского ГПУ. С 1933 – полпред ОГПУ в ЗСФСР и пред. ГПУ ЗСФСР. С июля 1934 – нарком внутренних дел ЗСФСР. В 1935–37 – нарком внутренних дел Крымской АССР. Арестован 22.6.1937, расстрелян. В 1958 реабилитирован.

¹⁰⁰ Это означало важное передвижение по карьерной лестнице: от неквалифицированной работы по слежке, обыскам и арестам, которой занимались разведчики и комиссары, к деятельности, которая предполагала работу с агентурой и участие в следствии.

¹⁰¹ В это понятие входили спекуляция, крупные хищения гос. собственности, саботаж, должностные преступления.

В Кутаиси ощущался крайний недостаток продовольствия. Особенно плохо было с хлебом. Тем не менее первое мая отпраздновали в городе очень хорошо. Всем трудящимся были выданы праздничные пайки, в которые входили даже баранина и вино. Недоставало только хлеба, которого в городе почти не было. Несмотря на это, наш хозяин каждый день угощал нас чудесным белым хлебом, печеньем и разными тортами. Мы стали осторожно, но настойчиво выяснять, откуда же он достает муку. Вскоре удалось установить, что мы с Шостаком в полном смысле этого слова «спали на муке». Огромный подвал под домом Якобашвили был заполнен мукой. Там были сотни мешков муки. В прошлом Якобашвили был крупным торговцем мучными продуктами. Якобашвили был арестован и осужден, а огромные запасы муки конфискованы.

Вслед за Якобашвили был выявлен ряд других крупных спекулянтов, скрывавших большие запасы продовольствия.

В то время в Кутаиси очень активно вели себя меньшевики. Они даже устраивали легальные собрания в местном театре. И вскоре, когда в Кутаиси прибыл в качестве уполномоченного по Совнаркому Грузии Сашо Гегечкори, попытались произвести покушение на его жизнь.

Не помню, почему именно мне председатель Кутаисской губЧК Лордкипанидзе приказал сопровождать товарища Гегечкори в его машине. Думаю, что это получилось потому, что я, как уполномоченный по экономической работе, был более свободен, чем другие оперативные работники. И вот мы в машине днем поехали в Губревком. Впереди, рядом с шофером, сидел товарищ Гегечкори, а на заднем сидении – я и еще кто-то (точно не помню), но, кажется, не из работников ЧК. Когда мы проезжали по одной из улиц, вдруг впереди нас раздался взрыв. К счастью, никто из сидящих в машине не пострадал.

После этого случая по приказу Лордкипанидзе мы начали арестовывать активных меньшевиков, боровшихся против советской власти. Почти у всех арестованных меньшевиков было обнаружено большое количество оружия.

Как выяснилось, этот террористический акт с целью убить Гегечкори был подготовлен меньшевиками. Как было установлено следствием, они готовились к вооруженному восстанию в Кутаиси.

Вскоре после этого случая я получил задание выехать в командировку в Тифлис, где я должен был получить какие-то указания от секретаря коллегии Грузинского ЧК Яшвили.

б) Опять Тифлис

Прибыв в Тифлис, я отправился в ГрузЧК. Как я уже отмечал выше, Яшвили очень враждебно относился ко всем работникам не грузинской национальности, и когда я явился к нему и стал докладывать о работе в Кутаиси, он держался надменно и во время разговора всячески старался уязвить мое самолюбие несправедливыми придирами.

Я, конечно, не выдержал и вспылал. Слово за слово, мы разругались, и я тут же сгоряча подал рапорт с просьбой об увольнении по собственному желанию, на котором Яшвили с удовольствием наложил резолюцию о немедленном удовлетворении моей просьбы.

(Впоследствии многие из приезжих работников из-за придинок и возмутительного отношения со стороны Яшвили вынуждены были покинуть Грузию и просить об откомандировании их обратно в Москву. А ряд неплохих работников вообще уволились из органов, получили визы в наркоминделе Грузии и выехали в Москву и другие города, чтобы на месте восстанавливаться на работе.)

Получив на руки документы об увольнении и немного успокоившись и поразмыслив, я решил все же, прежде чем уезжать, сходить в Закавказское бюро РКП(б) и рассказать обо всем, что произошло.

Меня принял какой-то завотделом, русский по национальности, и, выслушав мой рассказ, сказал, что я напрасно поторопился с увольнением, а затем повел меня в кабинет к Орджоникидзе.

Георгий¹⁰² Константинович принял меня очень дружелюбно и, усадив, попросил рассказать все подробно. Я рассказал обо всем, начиная с напутствия Ф. Э. Держинского и беседы Кирова во Владикавказе, и закончил рассказом о нехорошем отношении к товарищам, приехавшим из России, со стороны Яшвили и об окончательной моей ссоре с ним.

Пока я возмущался и горячо рассказывал о националистических выпадах Яшвили, Орджоникидзе добродушно покачивал головой и усмехался.

– Ты сам похож на грузина. Горячий! Темперамент прямо кавказский! – сказал он.

– Вы не подумайте, товарищ Орджоникидзе, что я вообще настроен против грузин, – стал объяснять я, боясь, чтобы он не понял меня превратно, – но я не могу работать под начальством такого человека, как Яшвили.

– А как Кото Цинцадзе? Хороший человек?

– Замечательный. Но последнее время, мне кажется, что он тоже попадает под влияние Яшвили. Наверное, этот тип, докладывая товарищу Цинцадзе, кляузничает и неправильно освещает обстановку, – закончил я свой рассказ.

– Да, конечно, ты прав. Обстановка здесь не совсем здоровая, – сказал Орджоникидзе. – И мы примем все меры, чтобы ее оздоровить, хотя дело это очень и очень нелегкое. Не думай, что мне легко. Однако я не уезжаю, и не уеду, пока не наведу здесь порядок. А вообще неплохо будет, если ты в Москве, в ЧК расскажешь об обстановке в ЧК Грузии так же, как сейчас рассказал об этом мне.

Затем Орджоникидзе попросил меня немного подождать и вскоре вручил мне пакет для передачи в Москве в ЦК. (Содержание пакета, а также причина, по которой он решил послать пакет со мною, а не через фельдсвязь, остались для меня неизвестными.)

На следующий день я выехал из Тифлиса в Москву. Но так как я не был откомандирован, а просто уволен, мне не выдали никаких продуктов на дорогу, да и денег было очень мало. Кто-то из попутчиков посоветовал мне купить и повезти в Москву рис, который там можно выгодно обменять на хлеб, и я купил на базаре фунта два риса.

Эта первая и последняя в жизни «спекулятивная операция», кстати сказать, закончилась полным крахом. Приехав в Москву, я тут же на перроне договорился с какой-то торговкой обменять свой рис на буханку хлеба и наивно согласился подождать, пока она принесет эту буханку сюда же на перрон, отдав ей рис. Торговка, конечно, была такова, а я, прождав минут десять, догадался, что меня просто обманули.

В Москве админотдел ОГПУ¹⁰³, ведающий распределением кадров, по моей просьбе направил меня в распоряжение ПП¹⁰⁴ ОГПУ Западного фронта Ф. Д. Медведа.

9. Смоленск

И вот я снова направлен в распоряжение полномочного представителя ВЧК по Западному фронту, любимого и уважаемого мною Филиппа Демьяновича Медведа.

Штаб фронта размещался тогда в Смоленске. По прибытии меня назначили комиссаром для особых поручений при Иосифе Казимировиче Опанском, недавно выдвинутом Медведем на должность своего заместителя. Опанскому было тогда не более 25-ти лет. Мы с ним знали друг друга еще с января 1919 г. по Вильно, где оба работали в особом отделе. Опанский был замечательным коммунистом и обаятельным человеком. Медведь очень ценил его как работника.

Несмотря на то, что я был назначен комиссаром для поручений при Опанском, мне по-прежнему большей частью приходилось выполнять задания Филиппа Демьяновича. В тот

¹⁰² Так в тексте.

¹⁰³ В тот период – ВЧК.

¹⁰⁴ Полномочного представителя.

период мне несколько раз пришлось отвозить совершенно секретные пакеты от Медведя и вручать их лично командующему Западным фронтом Тухачевскому¹⁰⁵.

Михаил Николаевич Тухачевский в то время выглядел совсем молодым человеком и казался мне очень красивым и стройным, с типичной для офицеров военной выправкой. Держал он себя со всеми очень просто. Его всегда сопровождала личная охрана, состоящая из группы верховых черкесов. Такие же черкесы охраняли и Медведя. Двое-трое из них обычно сидели с Медведем в машине, а четверо или пятеро ехали на лошадях вокруг машины. У черкесов были замечательно быстрые лошади, которые довольно долго могли бежать наравне с тогдашними автомашинами, а иногда даже перегоняли автомашину. (Конечно, этому способствовало крайне плохое состояние в то время дорог.)

Филипп Демьянович очень любил Тухачевского и всячески оберегал его. В разговорах с товарищами он всегда отзывался о Тухачевском как об одном из самых талантливых и бесстрашных командиров, считая его стойким большевиком, беззаветно преданным идеям Ленина.

Медведь очень любил Т[ухачевского] и всегда оберегал его от всяких неприятностей¹⁰⁶. Красавец Тухачевский пользовался огромным успехом у женщин, которые буквально не давали ему прохода.

В связи с этим в особый отдел частенько поступали сведения о том или ином романе Тухачевского. Получая эти донесения, Филипп Демьянович обычно сердился:

– А что, Тухачевский, встречаясь с этой Н., контрреволюцию разводит, что ли? – спрашивал он у работника, пришедшего с подобным донесением, и на отрицательный ответ добавлял: – А если нет, нечего совать нос в эти дела. Раз сама, дура, лезет, то – на здоровье ему¹⁰⁷.

В этот период мне также часто приходилось встречаться с членом военного совета Западного фронта Иосифом Станиславовичем Уншлихтом¹⁰⁸. Уншлихт принадлежал к когорте старейших революционеров. Он был чрезвычайно скромен и исключительно мягок в обращении с людьми. Особенно он любил молодежь и, в частности, очень трогательно и заботливо относился ко мне. Ему было известно, что я в силу независимых от меня обстоятельств оторван от семьи и одинок. И каждая встреча с Иосифом Станиславовичем была для меня своего рода праздником. Я чувствовал с его стороны ко мне какую-то прямо отцовскую заботу. Он всегда расспрашивал меня о том, как я живу, как питаюсь, не нуждаюсь ли в чем-либо? Все это было особенно ценно, потому что сам Уншлихт, занимая такой высокий пост, частенько, как мне было известно, крайне нуждался в самых необходимых вещах. Имея право распоряжаться всеми фондами продовольствия Западного фронта, он никогда не позволял себе взять что-либо даже из полагающегося ему пайка.

Опанский, как и все мы, очень любил Уншлихта, и, зная, что сам он ничего для себя не возьмет, часто передавал через меня для Иосифа Станиславовича маленькие продовольственные посылочки из фонда особого отдела.

Начальником секретно-оперативного управления особого отдела в Смоленске оказался знакомый мне по Вильно Горев¹⁰⁹, который был женат на Лизе Трайнис – бывшем бойце отряда имени Карла Либкнехта.

¹⁰⁵ Тухачевский Михаил Николаевич (1893–12.6.1937, Москва). Маршал Советского Союза (1935). Арестован 26.5.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1957.

¹⁰⁶ Предложение вписано автором от руки шариковой ручкой.

¹⁰⁷ Выделенный курсивом фрагмент сопровождается машинописной пометкой (вероятно, супруги): «Забраковано Мих. Пав'ом».

¹⁰⁸ Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–29.7.1938). Из польских мещан. С 1900 – в Соц.-дем. Королевства Польского и Литвы, шесть раз арестовывался. В 1917 – чл. Петросовета, в 1917–18 – чл. коллегии НКВД РСФСР. В период сов.-польской войны был членом РВС 16-й армии и Зап. фронта, чл. Ревкома Польши. В 1921–23 – зам. пред. ВЧК–ГПУ. С 1925 – зам. пред. РВС СССР, с 1933 – нач. ГУ Гражд. воздушного флота при СНК СССР. Арестован 11.6.1937 как польский шпион. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

¹⁰⁹ Горев Владимир Ефимович (1900–20.6.1938). Комбриг (1935). С 1918 в РККА, инструктор политотдела 2-й армии, политотдела Особой группы войск Южного фронта. С дек. 1919 по март 1920 был под арестом органами

Приходилось мне в тот период встречаться и с секретарем военного совета Западного фронта товарищем Гусевым, а также еще со многими другими товарищами.

К сожалению, более сорока лет, прошедших с тех пор, очень многое навсегда изгладили из памяти.

Сейчас не помню, в связи с чем, но как-то Филипп Демьянович направил меня на легковой машине в Витебск, где нужно было получить какие-то важные документы у председателя губернской ЧК, знакомого мне по Вильно – Сергея Шварца¹¹⁰. Шварц был очень грамотным, энергичным оперативным руководителем, в чем я неоднократно мог лично убедиться, принимая участие в руководимых им операциях, как в Вильно, так и в других городах. К тому времени у нас со Шварцем были почти дружеские взаимоотношения, и по прибытию в Витебск он меня очень тепло принял, тем более что я был посланцем Медведя, которого Шварц очень любил и уважал. Назавтра после моего приезда жена Шварца родила ребенка, и Шварц, с гордостью сообщив мне о своей семейной радости, попросил задержаться на вечер, чтобы отметить рождение нового члена семьи (не помню, мальчик или девочка) и присутствовать на вечере в качестве «крестного отца».

(Во время работы в Смоленске я познакомился с ближайшим сотрудником Ф. Д. Медведя, с 1918 г., еще по Тульской губЧК, женатым тогда на сестре Медведя – Вере Демьяновне, Дмитрием Борисовичем Сорокиным, приехавшим тогда в Смоленск. Позднее, в 1922–26 гг. мы встречались с Д. Б. Сорокиным в Москве, когда он работал в особом отделе МВО, а затем изредка виделись до 1935 г., когда Сорокин работал в ЦК и в Совнаркоме.

После многолетнего перерыва мы с ним встретились в 1962 г. и до 1969 г. я с семьей проводил лето у него на даче во Внуково.)

К этому же смоленскому периоду относится и мое знакомство с единственным нашедшимся среди нас «талантливым снабженцем» Ивановым-Ханиным. Он числился комиссаром для особых поручений при Медведе, но большей частью выполнял хозяйственные задания и, надо отдать ему справедливость, всегда изыскивал возможности хорошо кормить не только свою семью, но и пэпэ¹¹¹, и зам. пэпэ, а также меня и ряд других товарищей. В те тяжелые времена, когда большинство наших работников, в том числе и я, ходили в рваных ботинках или сапогах, подошвы которых зачастую привязывались к ногам проволокой или веревкой, Аркадий Маркович Иванов-Ханин поражал всех нас тем, что всегда был одет в хорошие шевровые сапоги, новый кожаный костюм, носил каракулевую кубанку, а на боку – огромный маузер в деревянной кобуре. Выглядел он, по меньшей мере, как командующий фронтом. Где и каким образом он «выкапывал», как из-под земли, все эти промтовары и продовольствие, не знаю¹¹², но его умение очень и очень выучало.

ВЧК, затем – следователь РВТ, комроты, комбат, комбриг, комендант Минска. С авг. 1920 – уполномоченный Особотдела 4-й армии, нач. агентурного отдела ОО 16-й армии. С апр. по дек. 1921 – нач. СОЧ Особого отдела Зап. фронта. В 1925–28 – военный советник в Китае. С авг. 1936 – военный атташе в Испании. В окт. 1937 вернулся в СССР. Арестован 25.1.1938, осужден к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

¹¹⁰ Шварц Сергей Соломонович (1894–2.2.1940, Москва). Чл. компартии с 1914 (с 1911 в Бунде). Еврей, образование среднее (фармацевт). С 1915 служил в армии. С 1918 в ВЧК: чл. коллегии полевой ЧК Южного фронта, инспектор ВУЧК, чл. коллегии Киевской губЧК, отличался крайней жестокостью. С 1919 – инспектор ВЧК, зампред. Киевской губ., зам. нач. Особотдела 12-й армии, пред. Харьковской губЧК. С 1920 по февр. 1921 – зав. Оргинспекторским отделом ПП ВЧК по Западному краю. С февр. 1921 – пред. Витебской губЧК. С 1922 – пред. ГПУ Татарской АССР, с 1924 – полпред ОГПУ по Крыму. С 1925 – нач. Приморского губотдела и Владивостокского окротдела ОГПУ. С 1927 учился на курсах марксизма при Комакадемии, с 1929 работал в Берлине. С 1930 – нач. ИНО СОУ ГПУ УССР, особоуполномоченный ГПУ УССР. Затем на сов. работе; нач. отдела судебной защиты НКЮ СССР. Арестован 20.11.1938; осужден к ВМН. Реабилитирован в 1956.

¹¹¹ Пэпэ – полномочный представитель ОГПУ – сокращение, употребляемое в разговорах между сотрудниками ГПУ (*примечание М. П. Шрейдера*). Данное словечко произошло от обычного в делопроизводстве сокращения «ПП ВЧК(ОГПУ)».

¹¹² Весь секрет, вероятно, состоял в умелом манипулировании именем такого влиятельного номенклатурного чиновника, как Ф.Д. Медведь.

Жена Ханина, Вера Яковлевна, была хорошей хозяйкой и чудесным товарищем. Многие из работников особого отдела частенько подкармливались у них на квартире обедами, приготовленными ее умелыми руками.

Аркадий Маркович был большим балагуром, любил и умел повеселить хотя и плоскими, но довольно веселыми шутками. Он знал много всевозможных куплетов и частушек (и какой-то период жизни он работал в театре), и неплохо напевал их, пританцовывая с большим чувством ритма и пластикой. Особенно любил он покрасоваться перед большим начальством, которое благодаря этому смотрело на него снисходительно.

Конечно, кроме снабженческой и хозяйственной работы Иванову-Ханину приходилось выполнять и чисто боевые оперативные поручения. Мне, насколько я помню, никогда не приходилось участвовать в каких-либо операциях вместе с ним, поэтому не знаю, как он себя вел при этом, но помню, что результаты бывали неплохие.

Начальником управления по снабжению при особом отделе был тогда Мясников, рыжий и добродушный, член партии с 1916 года. Он пользовался расположением Медведя, который ему доверял, и казался всем нам хорошим парнем. Все мы считали Мясникова честным коммунистом.

Его заместитель, Грейнеман, наоборот, производил не особенно приятное впечатление, был большим подхалимом и, видимо, занимался какими-то комбинациями. Помню, как однажды в моем присутствии Мясников распекал Грейнемана за то, что он, составляя разрядку на красноармейские пайки, самовольно уменьшил норму выдачи по какому-то продукту. Мясников кричал на Грейнемана и грозил, что если он когда-либо еще допустит уменьшение пайка хоть на один грамм, то его отдадут под суд и расстреляют.

Мне редко приходилось сталкиваться с ними по работе, но, поскольку я был комиссаром для особых поручений при Опанском и Медведе, они старались быть со мною как можно любезнее и однажды даже предложили сфотографироваться вместе с ними. Помещаю ее здесь, так как это единственная имеющаяся у меня фотография за тот период. На ней Мясников и Грейнеман сидят, а я «гордо» стою, как бы желая подчеркнуть, что я, мол, оперативник, а они – простые снабженцы. Конечно, это было мальчишеством, но ведь мы тогда, по существу, и были мальчишками. Мне было 19 лет.

(Через год или полтора Мясников и Грейнеман были осуждены по делу, связанному с незаконным получением контрабандных товаров и отправке таковых вышестоящему начальству¹¹³. Дело это было вскрыто позднее, в период моей работы в погранотряде № 4, о чем я пишу далее.

Надо сказать, что хотя я не имел никакого касательства к следствию по этому делу, все же я до сих пор уверен, что основным виновником контрабандных операций был Грейнеман, который запутал в это дело и потянул за собою Мясникова.)

Не помню, в какой период, но именно здесь, в Смоленске (кажется, в 1921 г.) я впервые в жизни услышал Анатолия Васильевича Луначарского¹¹⁴. Было это на антирелигиозном диспуте, который проводился с участием руководителя «живой» церкви Введенского¹¹⁵, тоже прекрасного оратора.

¹¹³ Чекисты массово и повсеместно снабжались задержанной контрабандой. В 30-е годы Ф.Д. Медведь тоже будет пользоваться контрабандными товарами, поставляемыми через чекистов-пограничников Ленинградской области. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 589. Л. 32 об.

¹¹⁴ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–26.12.1933). Чл. компартии с 1898. В 1917–29 – нарком просвещения РСФСР-СССР, затем на сов. и дипломатической работе. Академик АН СССР (1930).

¹¹⁵ Введенский Александр Иванович (1889–1946, Москва) – протоиерей, имел дипломы историка, биолога, юриста, физика и математика. Обладал исключительным проповедническим даром. В 1922 выступил в качестве одного из организаторов обновленческого раскола в РПЦ, предан анафеме. Агент ОГПУ. В 1941 провозглашен «святейшим и блаженнейшим первоиерархом московским и всех православных церквей в СССР», присвоил себе сан «патриарха» (вскоре отказался от него). После смерти Введенского обновленчество прекратило существование.

На меня этот диспут произвел огромное впечатление, о котором хочется сказать несколько слов, правда, возможно, что это связано только с моими личными ощущениями¹¹⁶.

Вот все мы внимательно слушаем выступление одного из лучших ораторов современности Луначарского, который приводит целый ряд доводов, казалось бы, совершенно исключающих возможность существования бога. Его выступление многократно прерывается бурей аплодисментов. Под гром оваций он спускается с трибуны, и все присутствующие, и я в том числе – в восторге.

Но вот на смену ему выходит священник Введенский, начинает говорить, и вдруг, в отдельных местах его выступления, мне уже начинает казаться, что он довольно убедительно опровергает доводы Луначарского. Введенский продолжает страстно доказывать, что бог, безусловно, существует, и я чувствую, что у меня, да и у большинства присутствующих в аудитории уже создается впечатление, что Введенский в чем-то побеждает Луначарского. Постепенно Введенский начинает завоевывать симпатии и доверие слушателей, его выступление также нередко вызывает аплодисменты, правда, меньшей части слушателей, а у нас, коммунистов, недостаточно знающих и «подкованных», возникают опасения, что Луначарский не сможет доказать неправоту Введенского.

Затем снова выступает Луначарский. В зале напряженная тишина, все затаили дыхание, и кажется, что будет слышно, если пролетит муха. Все с нетерпением ждут, как же выйдет из положения Луначарский. А Анатолий Васильевич, совершенно спокойно и хладнокровно, научно обосновывая каждый свой довод, простыми, каждому понятными словами разъясняет всю несостоятельность позиции Введенского и в течение нескольких минут, что называется, «кладет его на обе лопатки».

Невозможно выразить, какой восторг все мы ощущали в эти незабываемые минуты, и как гордились, что именно мы, большевики, имеем такого чудесного наркома просвещения, изумительного оратора и интереснейшего человека своего времени.

Вскоре, к великому сожалению, мне пришлось оставить Смоленск и уважаемого и горячо любимого мною Филиппа Демьяновича Медведя. Причиной к этому послужило отсутствие у меня необходимой выдержки и свойственная мне манера в первое же мгновение, не раздумывая, высказывать свое мнение по тому или иному поводу, каким бы резким оно ни было. Этот недостаток (а по мнению некоторых, качество) в дальнейшем много раз вынуждал меня внезапно менять место работы, как по собственной инициативе, так и по распоряжению свыше. Хорошо еще, что в подавляющем большинстве случаев я «вылетал» на новое место работы с повышением в должности.

Еще в Вильно, в 1920 году, начальником отделения личного состава в особом отделе была член КПСС с 1917 г., неплохой работник и хороший товарищ – Раиса Михайловна Копыловская¹¹⁷ (урожденная – Левит[т], из Новгорода). С ее слов я знал, что все ее братья были членами большевистской партии. (Брата Павла¹¹⁸ я позднее знал лично как редактора одной из ленинградских газет.)

¹¹⁶ Близкое по восторженной тональности описание подобных диспутов оставил и куда более образованный в сравнении со Шрейдером будущий писатель Варлам Шаламов. См.: *Шаламов В.Т.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / Сост., предисл., примеч. И.П. Сиротинской. М.: ЭКСМО, 2004. 1066 с.

¹¹⁷ Копыловская-Медведь (Левитт) Раиса Михайловна (1900–20.1.1938, Московская обл., Коммунарка), ур. с. Крестцы Новгородской губ. Из семьи часовщика, еврейка, образование среднее. С февр. 1919 – в кружке коммунистической молодежи Новгорода, один из организаторов местного комсомола; затем в органах ВЧК. В 30-х – домохозяйка, арестована 9.12.1937. Расстреляна. Реабилитирована.

¹¹⁸ Левитт Павел Михайлович (Левитон Игнатий) (1903–28.7.1941, Москва). Организатор и первый пред. городского исполнительного комитета РКСМ в Новгороде. В 1919–22 – ответ. секретарь Новгородского губкома РКСМ, с 1920 – чл. бюро губкома РКП(б). Впоследствии зав. отделом редакции газеты «Звезда», редактор газет в гг. Боровичи, Пскове, Острове, с 1932 – в редакции «Ленинградской правды». Арестован 4.6.1938. Расстрелян. Реабилитирован в 1956. Брат Евгений также был репрессирован.

Хотя по роду службы Рая не имела отношения к оперативной работе (как нач. отдела кадров, по-нынешнему), она часто принимала активное участие в операциях по ликвидации белогвардейских вооруженных группировок. В одной из таких операций в литовском городе Троки мне пришлось принимать участие вместе с Раей.

Когда наша группа натолкнулась на сильное вооруженное сопротивление, Рая бросилась в самые опасные места обстрела. В один из таких моментов руководитель нашей группы моряк Саша (фамилии не помню) подбежал к ней и, перемежая слова выразительным матросским матом, заорал:

– Куда, чертова кукла, лезешь. Ложись! Убьют ведь! – и он с силой дернул Раю за руку и уложил на землю.

Она, хотя и легла, но в долгу не осталась, покрыв начальника группы немного менее пышной тирадой, но также вспоминая его маму. Через секунду место, где они только что стояли, было прострелено белогвардейскими пулеметами.

Рая ходила всегда подтянутая, в аккуратно прилаженной гимнастерке, в хорошо сидящей юбке и в сапогах по ноге. Она была довольно интересной женщиной и, несмотря на наше полуголодное тогда существование, умудрялась сохранять цветущий вид, не применяя, конечно, никакой косметики. В то время комсомолки и коммунистки вообще не допускали ничего подобного, равно как и никаких гражданских вольностей в туалете.

Некоторые из оперативных работников пытались ухаживать за Раей и, как говорили, не безрезультатно. Ранее она побывала замужем, но в Вильно была уже одинокой, держалась независимо и свободно, и была не прочь пококотничать с сослуживцами.

При отступлении Красной Армии из Вильно в конце августа 1920 г. [к Минску] работникам особого отдела часто приходилось сталкиваться с вооруженными бандами, оставленными белополяками в нашем тылу. В отражении нападений белобандитов и в их уничтожении наряду со всеми принимала участие и Рая Копыловская.

Возвратившись из Грузии в Смоленск, я застал Раю в той же должности – начальника отделения личного состава. Но я никак не ожидал, что она распространит свои чары на скромнейшего старого холостяка Филиппа Демьяновича.

И вот однажды вечером я зашел в комнату, где жил Медведь, с докладом по какому-то делу. Когда закончилась деловая часть разговора, и я собирался уйти, Филипп Демьянович вдруг сказал:

– Ну что ж, парень, поздравь меня.

– С чем, Филипп Демьянович? – поинтересовался я.

– Я, кажется, женюсь.

– На ком? – удивился я. Мне было известно, что Медведь ни с какими посторонними женщинами не встречался.

– На Рае Копыловской, – серьезно ответил он. – Завтра она переезжает ко мне.

Не подумав о том, что могу оскорбить и обидеть Филиппа Демьяновича, я в резких выражениях выпалил свое нелестное мнение о поведении Раи в Вильно и о ее романах.

Подробности разговора с Медведем (не для печати)

– На Рае Копыловской, – серьезно ответил он. – Она завтра переезжает ко мне.

– На этой б....? – не смог удержать я вырвавшегося у меня грубого слова. – Ведь она чуть не со всеми в отделе романы крутила.

– Мало ли что говорят, а ты не верь, – помрачнев, сказал Медведь.

Почувствовав неловкость, я поспешил выскочить из комнаты. «Легко сказать: “Не верь”, – думал я, выходя от Медведя, – когда мне самому приходилось быть свидетелем многого. Как-то, ища по поручению Медведя одного из оперативных работников, я застал у него в общежитии на кровати Раю, причем она даже ничуть не смущалась.

В другой раз ее подчиненный Миша Морицихин, скромный парень, окающий по-ярославски, пришел ко мне советоваться, как ему поступить: «Ночальница приказала идти к ней ночевать. Как быть?» Я расхохотался и пожал плечами. Что можно советовать в таком случае? Раз приглашают, не будь дураком – иди!

Правда, оба эти случая относились к Виленскому периоду.

Возможно, я был несправедлив, осуждая поведение Раи. Ведь она была свободным человеком, ничем не связанным. И кто знал, может быть, выйдя замуж за Филиппа Демьяновича, она станет совсем другой. Почему же надо осуждать ее за прошлое?

Конечно, я тогда не мог разобраться во всем этом, но интуитивно чувствовал, что Рая не та женщина, которую мне хотелось бы видеть рядом с таким замечательным и любимым мною человеком, каким был Медведь.

– Мало ли что говорят, а ты не верь, – помрачнев, сказал Медведь.

Почувствовав неловкость, я поспешил выскочить из комнаты, смущенный и убитый непоправимостью случившегося. «Зачем понадобилось мне осуждать Раю, – проклиная свою горячность, думал я. – Ведь она была совершенно свободным человеком в Вильно, ничем не связанным. Почему мужчин, ведущих себя во много раз легкомысленней, никто не осуждает?»

К сожалению, подобная несправедливая оценка поведения мужчин и женщин существует у нас и поныне, а я, плохо знавший жизнь в свои 19 лет, вообще слабо разбирался в вопросах этики. Просто я очень любил Медведа, и мне казалось, что его женою должна быть какая-то особенно добродетельная и непогрешимая женщина, такая же, как и он сам. Рая же была во всех отношениях, на мой взгляд, совершенно обыкновенная¹¹⁹.

Через два дня мне сообщили, что моя должность сокращается. Причина, конечно, для меня была ясна. Я допустил резкое и грубое осуждение женщины, ставшей женой Медведа, и ему это было очень неприятно. Ведь он любил ее по-настоящему, искренне и глубоко.

Опанский в эти дни был в командировке в Москве, и я пошел к Филиппу Демьяновичу узнать, куда меня направят. Когда я вошел в кабинет, Медведь, не глядя мне в глаза, с запинками и в страшном смущении сказал:

– Понимаешь, парень... ты на меня не обижайся... Тебе надо немного проветриться. Есть интересная работа на границе... Ты парень молодой... боевой...

Филипп Демьянович был добрейший и справедливейший человек, никогда никого не обидевший зря, и ему стоило большого труда объявить мне об откомандировании в другое место. Он сказал, что направляет меня к своему товарищу, начальнику погранотряда номер четыре Гайдучёнку¹²⁰, в город Слуцк, и, кроме официальной командировки, напишет ему личное письмо, чтобы тот принял меня соответствующим образом.

Письмо к Гайдучёнку обо мне было открытое, я его прочитал и запомнил некоторые строки. Начиналось оно словами: «Здравствуй, парень! («Парень» – было любимое слово Медведа). К тебе командировается наш особый порученец. Он хороший оперативник, подающий надежды. Не обижай, помоги и учи. С приветом Ф. Медведь».

Несмотря на произошедший неприятный инцидент, простились мы с Филиппом Демьяновичем по-дружески тепло, и также тепло я был встречен своим новым начальником Иваном Осиповичем Гайдучёнком.

10. Погранотряд

1) Слуцк

Начальник погранотряда № 4 (насколько помню, тогда говорили не «погранотряд», а «пограничное особое отделение», но я для удобства буду писать «погранотряд») – Иван Осипович Гайдучёнок, бывший балтийский моряк, активный участник октябрьской

¹¹⁹ Позднее мемуаристы обвиняли Копыловскую – как супругу Медведа – в нескромном и вульгарном поведении.

¹²⁰ Гайдучёнок Иван Осипович (1896 – конец 1930-х). Чл. компартии с 1919. Уроженец Либавы, образование неполное среднее. В 1918–19 воевал на Западном и Восточном фронтах. С дек. 1919 в органах ВЧК–ОГПУ. В 1921–22 – нач. Слуцкого и Минского особых погранотделений. С 1922 – нач. особого отдела в Кронштадте. С 1925 – нач. Вологодского губотдела ОГПУ. В 1930 – пом. нач. Ярославского окротдела ОГПУ. С 1933 – в ПП ОГПУ по Центрально-Черноземной обл., затем жил в Ленинграде.

революции, благодаря рекомендации Медведя, принял меня с распростертыми объятиями, как родного. Он вообще был добрейший человек и, как я убедился позднее, наряду с этим являлся одним из самых боевых и бесстрашных чекистов-оперативников, с которыми мне приходилось сталкиваться в те годы.

Заместителем Гайдучёнка был здоровяк и атлет Галюшевич (в прошлом он и его жена были артистами цирка, тяжеловесами-гиревиками), резко выделявшийся в те голодные годы из общей массы плохо упитанных и истощенных людей. (Позднее место Галюшевича занял уралец Грязных.) Начальником отдела информации был Николай Пик¹²¹, его заместителем – латыш Зорин. Начальником отделения центральной регистратуры¹²² работал член партии с 1917 г. Жданович¹²³, который благодаря маленькому росту (9–10 летнего мальчика) не мог принимать участия в оперативной работе.

С радостью встретился я в погранотряде с Николаем Осиповым, знакомым мне по недолговременной работе в Ржеве. Здесь он также был начальником агентуры.

Был в погранотряде и свой Шерлок Холмс – Лева Березкин, родом из Латвии. По тем временам это был очень грамотный следователь, но с авантюристической жилкой, и большой фантазер. Старшим товарищам часто приходилось осаживать его за фантастические агентурные выдумки. Он работал не так, как учил тогда чекистов Дзержинский и его соратники, т. е. с полной объективностью, а всегда старался запутать подследственного своими каверзными вопросами, не имеющими отношения к делу¹²⁴. За подобный «стиль» работы он и был впоследствии откомандирован из погранотряда.

Помню и уполномоченного Николая Любецкого, хорошего боевого чекиста, но страдающего тогда еще только намечавшейся любовью к спиртным напиткам, которая впоследствии стала причиной его безвременной гибели¹²⁵.

Дежурный комендант Гриша Кац-Левин славился своим громоподобным голосом. Когда он передавал телефонограммы по погранпостам, то так орал, что весь город Слуцк знал содержание отправляемых распоряжений. За это Гриша неоднократно получал нагоняй от начальства, но все равно никак не мог умерить свою «иерихонскую трубу».

Работа в погранотряде тогда была интересная и напряженная. Второй отдел Польского генштаба (военная разведка) засылал к нам шпионов и террористов. Через границу систематически перебрасывались вооруженные банды Булак-Балаховича и группы агентов Савинкова. В большинстве случаев бандиты были верхом на лошадях, и численность их доходила до 50–100 сабель одновременно. Они налетали на местечки и деревни, устраивали еврейские погромы и уничтожали партийных, советских и комсомольских работников.

Правда, в большинстве случаев бандитам не удавалось привести в исполнение свои гнусные замыслы. Мы получали неплохую информацию из-за рубежа и почти всегда были заранее уведомлены о времени предполагаемого набега и подготавливали соответствующую «встречу».

¹²¹ Пик Николай Дмитриевич (1901–3.9.1938, Московская обл., Коммунарка). Капитан ГБ. Чл. компартии с февр. 1920 по май 1921 и с 1927. Уроженец Гродно, белорус, образование начальное. В 1918 переписчик в гормилиции, с авг. 1920 по авг. 1922 служил в Слуцком погранотделении Особотдела Зап. фронта. С авг. 1922 – в особых отделах ГПУ БССР. С 1.7.1931 – зам. нач. Могилевского оперсектора ГПУ, в 1932 – нач. Бобруйского горотдела ГПУ БССР. С 25.9.1932 – пом. нач. Особотдела ГПУ БССР. С 1.6.1934 по 1935 – нач. Особотдела ПП ОГП–УНКВД по Сталинградскому краю. С 31.3.1935 – нач. Особотдела УНКВД ЗСК, с 26.10.1936 – зам. нач. Особотдела ГУГБ НКВД Московского военокруга и УНКВД по Московской обл.; активный участник репрессий. Арестован 24.4.1938, осужден к ВМН по обвинению в шпионаже. Расстрелян. Реабилитирован в 1955.

¹²² Занималась ведением оперативных учетов и статистики.

¹²³ Жданович Андрей Тихонович (?–?). Чл. компартии с 1919. В ВЧК–НКВД с 1918. На 1939 – зам. нач. 7-го отдела УГБ НКВД Казахской ССР, ст. лейтенант ГБ (1936), с 13.4.1939 уволен в запас. Впоследствии восстановлен в НКВД–НКГБ, подполковник (на 1944) в ВМФ. Награжден знаком Почетного работника ВЧК–ОГПУ (9.5.1938), двумя орденами (1944).

¹²⁴ На деле именно такие приемы наиболее эффективны в работе следователя.

¹²⁵ Утонул примерно в 1924–25, будучи работником особого отдела в Кронштадте.

В этом деле нам оказывали огромную помощь крестьяне-белорусы, оставшиеся на территории, занятой белополяками. Они, часто рискуя жизнью, добирались до наших погранпостов, предупреждая о готовящемся нападении и передавая нам другие очень важные сведения. А местные крестьяне-бедняки оказывали нам активную помощь в ликвидации банд, самоотверженно сражаясь, вместе с пограничниками, с белобандитами. Кроме того, было много случаев, когда крестьяне сами вылавливали, уничтожали или приводили в погранотряды задержанных ими бандитов.

Большую работу по выявлению подготовляемых против Советского Союза¹²⁶ контрреволюционных мероприятий проводили и подпольные организации коммунистической партии в городах, оккупированных белополяками.

Наряду с этим неплохо была налажена работа Разведупра РККА. Уполномоченным Разведупра в г. Слуцке в то время был старый член партии, москвич Егоров (в прошлом пекарь по профессии). Егоров работал в теснейшем контакте с нашим погранотрядом и проводил большую работу по переброске наших людей за рубеж, а также систематически получал от них очень ценные разведывательные данные, на основании которых наш погранотряд и строил свою работу, то есть вовремя принимал контрмеры против планируемых врагами нападений. (Следует отметить, что, кроме хорошо налаженного делового контакта, Егоров и Гайдучёнок находились в большой личной дружбе.)

(В начале 60-х годов я встретился с Егоровым в 33-й больнице для старых большевиков, и мы с ним с удовольствием вспоминали о работе в Слуцке в 1921–22 гг.)

В погранотряде я последовательно работал помощником коменданта, заместителем коменданта¹²⁷ и следователем. Одновременно был избран секретарем комсомольской организации.

Хочется в назидание нашей современной молодежи, привыкшей к безбедной жизни, к удобствам и часто очень избалованной, рассказать о бытовых условиях работников погранотряда в те годы. Первое время, когда я прибыл в Слуцк, меня поместили на квартиру в какую-то бедную семью, занимавшую одну комнату. Семья состояла из мужа, жены, взрослой дочери и двоих или троих младших детей. И вот я, поставленный к ним на квартиру, спал в одном из углов, прямо на полу. Немного позднее мне и второму оперативному работнику погранотряда Стаху Станиславскому, довольно щеголеватому и красивому парню, выдали ордер на помещение бывшей маленькой лавочки-ларька. Лавочка эта не освещалась и не отапливалась. Прямо из лавочки дверь вела на улицу. Внутри стояло только два голых дощатых топчана, на которые мы положили мешки с сеном и спали, конечно, не раздеваясь. А так как у нас, кроме мешков с сеном, никаких вещей не было, то, уходя на работу, мы двери лавки не закрывали. В то время вообще никто из нас не думал ни о каких вещах и никто ничего не имел, так как в любой момент нас могли перебросить из одного пункта в другой. Да и вообще об этом не думалось. Каждые десять дней каптенармус отряда выдавал каждому из нас чистую пару белья, и мы ходили в баню, а грязное белье сдавали каптенармусу.

В погранотряде для меня началась боевая жизнь, полная неожиданностей, интересных пограничных операций, с погонями, перестрелками и довольно серьезными стычками с крупными бандами численностью от 50-ти до ста сабель.

Необходимо отметить, что в самые ответственные и опасные минуты наш начальник и командир Иван Осипович Гайдучёнок неизменно являлся для всех нас примером мужества, отваги и умения ориентироваться в обстановке и находить выход из самых трудных положений. Гайдучёнок вообще был весьма колоритной фигурой, достойной экранизации. У него было очень много общего с образом Чапаева, созданным Фурмановым, только он,

¹²⁶ Так в тексте. Следует – Советской России.

¹²⁷ Т. е. отвечал за прием и содержание арестованных, а также, возможно, участвовал в расстрелах осужденных и их захоронении.

конечно, не был легендарным героем, а просто замечательным командиром и самоотверженным бойцом революции.

Но, к сожалению, у Гайдучёнка были две слабости: первой можно считать редкие припадки самодурства, а второй, более серьезной и все более усугубляющейся с годами, было пристрастие к спиртному. Правда, надо сказать, что для этой второй слабости были у Ивана Осиповича кое-какие оправдания – ведь слишком тяжела была доставшаяся на его долю работа по борьбе и уничтожению многочисленных врагов, кружившихся около наших границ, как стая коршунов.

Надо сказать, что вообще в тот период в отряде никаких выпивок никогда не допускалось. Несмотря на то, что Гайдучёнок сам довольно часто выпивал, он никогда не разрешал кому-либо из работников отряда брать перехваченные контрабандные вина и прочие спиртные напитки. Да по правде сказать, я не помню, чтобы кто-либо из сотрудников в период моей работы в погранотряде при Гайдучёнке занимался пьянством. Люди были заняты напряженной оперативной работой, не зная отдыха ни днем, ни ночью. Кроме того, все мы знали, что миллионы людей в те дни голодали и умирали с голоду в Поволжье, что впроголодь жили в Петрограде и в Москве, и никто из нас никогда не позволял себе никаких излишеств.

А Иван Осипович выпивал у себя дома, видимо, в одиночестве, т. к. я никогда не видел его выпивающим в компании (за исключением вечера проводов его из отряда).

Но достойно удивления то, что даже тогда, когда Гайдучёнок бывал довольно сильно пьян, стоило случиться какой-либо тревоге или необходимости срочного выезда, с Гайдучёнка как по мановению волшебной палочки слетал весь хмель, и он становился абсолютно трезвым, энергичным и собранным.

Мне эта его способность казалась сверхъестественной. Никогда в жизни, ни раньше, ни позднее не видал я ничего подобного. Правда, Гайдучёнок был тогда еще очень здоровым человеком и, видимо, ему достаточно было небольшого нервного напряжения, чтобы встряхнуться и взять себя под контроль.

Однажды утром, после того как Гайдучёнок ночью выезжал для приведения в исполнение приговора военного трибунала над группой бандитов¹²⁸, он сидел у себя в кабинете в мрачном настроении. Его секретарь Савицкий предупреждал всех, кто пытался войти к нему, что «старик не в духе» и лучше пока к нему не ходить. Но я, как секретарь комсомольской ячейки отряда, должен был о чем-то срочно переговорить с Гайдучёнком и решил рискнуть.

– Можно? – приоткрыв дверь кабинета, спросил я.

Гайдучёнок сидел за столом, опустив голову на руки, и, в ответ на мой вопрос, не поднимая головы, пробормотал что-то неразборчивое, что можно было понять и как запрещение, и как разрешение.

Я вошел и остановился возле письменного стола, рядом с Гайдучёнком. В нос мнешибануло запахом винного перегара. Я решил отложить дела.

– Иван Осипович, вы бы лучше пошли домой отдохнуть, – осторожно начал уговаривать его я. – А то от вас спиртом пахнет, нехорошо, неудобно...

Первое мгновение Гайдучёнок как будто бы не понял моих слов, а затем, подняв голову и взглянув на меня мутными глазами, вдруг заорал:

– Ты что, учить меня пришел, щенок! – затем изо всех сил стукнул кулаком по столу и трехэтажно выругался. – Ишь, какой учитель нашелся. Пошел к чертовой матери отсюда!

Я стремглав вылетел из кабинета. Но не прошло и десяти минут, как мне позвонил секретарь и сказал, что Гайдучёнок просит меня к себе. И когда я вернулся в кабинет, Гайдучёнок с видом провинившегося школьника сказал:

¹²⁸ Среди традиций в органах ВЧК–НКВД было и частое участие в расстрелах со стороны руководящих работников.

– Ты, Миша, не обижайся. Зря отругал тебя... Нервы подкачали... Ночь не спал, башка трещит, ну и выпил немного перед завтраком. – Он помолчал, а затем с тяжелым вздохом продолжал:

– Уж видно наша доля такая, что мы должны очистить республику от всякой мрази.

Конечно, я прекрасно понимал, что работа у Гайдучёнка была действительно адски тяжелая. Но тем не менее, как только он начинал пить, я всегда старался отговорить его, доказывая, что это вредно для здоровья и что он должен всегда иметь ясную голову, а не затуманивать ее водкой. И несмотря на то, что Гайдучёнок далеко не всегда меня слушался, он все же очень ценил мою заботу о нем и постоянно говорил окружающим:

– Один Мишка меня любит и бережет. Вот он все уговаривает меня не пить. А вам всем на меня наплевать.

Как я уже упоминал, в период моей работы в погранотряде в Поволжье был прогремевший своей печальной известностью голод¹²⁹. В городе Слуцке, как и во всех других городах, в каждой организации были созданы комиссии помощи голодающим. Погранотряд, обладавший большими возможностями и пользовавшийся в городе огромным авторитетом, также проводил много мероприятий, обеспечивающих сборы средств для голодающих. Председателем комиссии (Компомгол) избрали меня. И вот вся наша комсомольская организация принялась организовывать в городе платные вечера танцев, спектакли, «балы-маскарады» и т. п. мероприятия. Гайдучёнок обычно издавал «приказ» по погранотряду, в котором указывалось, что Шрейдер назначается ответственным распорядителем бала, и в городе вывешивались соответствующие афиши. На балах и вечерах танцев устраивались лотереи и аукционы, на которых продавались или разыгрывались отдельные вещи, изъятые у контрабандистов. (В то время существовал закон, по которому погранотряд и работники, непосредственно принимавшие участие в задержании контрабандистов, получали определенный процент от стоимости задержанной контрабанды, вещами или деньгами. Подавляющее большинство наших товарищей сдавали свою долю в фонд помощи голодающим.)

При погранотряде существовал драмкружок, режиссером и постановщиком был сам Гайдучёнок, который по тому времени был неплохим исполнителем и вообще довольно знающим в этой области человеком. Правда, он частенько приходил на репетиции немного «на взводе» и в довольно веселом настроении, и тогда уже, если кто-либо из «артистов» играл не так, как хотелось Гайдучёнку, он с яростью отчитывал неспособного актера, пересыпая нотации сочным матросским матом, с упоминанием матери, бога и всех святых.

Однажды по предложению Гайдучёнка мы ставили пьесу Островского «На бойком месте»¹³⁰. Главную роль молодого барина, ухаживающего за хозяйкой заезжего двора и влюбленного в сестру хозяина, исполнял сам Гайдучёнок. Мне, как неплохо выбивавшему чечетку, поручили роль слуги барина, Васьки.

И вот наступил день спектакля, ставившегося в актовом зале бывшей гимназии. Все билеты были распроданы и в зале негде было яблоку упасть.

По ходу пьесы в одной из сцен я должен был подать барину на подносе бутылку водки. Оказалось, что Гайдучёнок поручил завхозу, исполнявшему в драмкружке обязанности бутафора и помрежиссера, принести бутылку спирта и перед спектаклем развести его водой. Но, по-видимому, тот забыл об этом распоряжении, и в злополучной бутылке так и остался чистый спирт.

Во время спектакля, когда «барин» потребовал выпивку, я, ничего не подозревая, метнулся за кулисы и схватил стоявший там поднос с бутылкой, наполненной прозрачной жидкостью, в полной уверенности, что это вода. Поставив поднос перед своим «баринном», я

¹²⁹ Массовая смертность от голода фиксировалась в 1921–22 отнюдь не только в Поволжье, но и в Крыму, Урале, Сибири и других регионах.

¹³⁰ Комедия в трех действиях А.Н. Островского (1865).

налил из бутылки почти полный стакан. Гайдучёнок лихо выпил стакан залпом и... вдруг, выпучив глаза, так и остался на несколько секунд с открытым ртом.

Публика была уверена, что герой так правдиво и реально изображает результат выпивки. Но тут «барин», совершенно не по ходу пьесы, быстрыми и резкими шагами направился за кулисы, и оттуда раздался хотя и приглушенный, но ясно различимый в зале матросский мат по адресу неисполнительного помрежа.

Весь зал так и покотился со смеху. А Гайдучёнок, раздосадованный произошедшей в спектакле заминкой, а также начавший быстро пьянеть, вышел на сцену и, забыв, что я по пьесе именовался Васькой, заорал во все горло:

– Ты что же это, Мишка, сволочь, не пляшешь?

Я вскочил и начал с остервенением плясать под «барыню», исполняемую на баяне, выделявая все известные мне коленца.

Трудно себе представить, каким громом аплодисментов и криками одобрения наградила нас в тот вечер благодарная публика.

Конечно, само собой разумеется, что последние картины пьесы сильно захмелевший Гайдучёнок провел уже не по Островскому, а почти полностью со своим текстом, не слушая надрывавшегося суфлера. Тем не менее сюжет пьесы от измененного текста не пострадал, публика была в восторге и средства для голодающих Поволжья мы собрали большие.

Устраивали работники погранотряда и цирковые представления. Заместитель Гайдучёнка Галюшевич и его жена, как я уже упоминал, в прошлом были цирковыми артистами, тяжеловесами, гиревиками.

И вот по всему городу расклеивались большие афиши, оповещавшие население о том, что в летнем саду силами работников погранотряда будет дано цирковое представление, в котором будет лично участвовать заместитель начальника погранотряда Галюшевич.

Следует отметить, что в то время Галюшевич, как и Гайдучёнок, являлись в Слуцке грозой контрабандистов, нэпманов и спекулянтов, и пользовались огромной популярностью, и уже сам факт появления в афише их фамилий всегда обеспечивал полный сбор и огромный интерес. Все билеты заранее бывали распроданы.

На «цирковом представлении» жена Галюшевича, полная женщина, выжимала тяжелые гири и штанги, затем были какие-то акробатические номера, выполнявшиеся отдельными работниками погранотряда.

Но «гвоздем» программы был, конечно, сам Галюшевич. Уже одно его появление на эстраде в коротких штанишках и майке вызывало восторг и священный трепет у жителей Слуцка. После целого ряда силовых номеров Галюшевич выполнял самый сложный номер программы. Он становился «на мост», ему на грудь накладывали настил из досок, и по этому настилу проезжала автомашина-полупотрнка, в которой сидело человек десять пограничников. Успех Галюшевича был огромным. Публика редела от восторга. (Недавно от Героя Советского Союза Станислава Алексеевича Ваупшасова¹³¹ я узнал, что Галюшевич жив и здоров, проживает в г. Ленинграде на пенсии.)

Вообще, все вечера, устраиваемые комиссией Помгол нашего погранотряда, давали очень значительные средства в фонд помощи голодающим, а устраивали мы их не реже двух раз в неделю.

¹³¹ Ваупшасов (Ваупшас) Станислав Алексеевич (1899–19.11.1976, Москва). Герой Советского Союза (1944), полковник. Чл. компартии с 1918. Из семьи батрака, литовец. В РККА с 1918, участвовал в боях на Зап. фронте. В 1920–24 – диверсант Разведупра РККА на подпольной работе по линии «активной разведки» в Зап. Белоруссии (Польша). В 1927 окончил Курсы комсостава РККА. В 1930-е – в ГПУ БССР, затем – в ГУЛАГе НКВД, был нач. участка на строительстве канала Москва–Волга. В 1937–39 участвовал в Гражданской войне в Испании как старший советник при штабе 14-го партизанского корпуса республиканской армии, диверсант и разведчик. С 1939 – в центральном аппарате НКВД СССР, нелегал ИНО в Финляндии и Швеции. С сент. 1941 – ком. Батальона ОМСБОН НКВД СССР, в 1942 возглавил крупный партизанский отряд «Местные» в Минской обл. С 1945 – нач. опергруппы НКГБ по очистке тыла от японской агентуры в Маньчжурии. С дек. 1946 – нач. Разведотдела МГБ Литовской ССР. С 1954 в запасе. Мемуарист.

Вспоминается эпизод, связанный с вышеупомянутым самодурством Гайдучёнка.

Его жена, Елена Павловна, работала в погранотряде шифровальщицей¹³², и однажды опоздала на работу на 15 минут. (Надо сказать, что она в то время была беременна, чуть ли не на последнем месяце.)

Гайдучёнку понадобилось утром зашифровать какую-то срочную телеграмму, и он попросил вызвать шифровальщицу. Ему ответили, что ее еще нет на работе. В этот момент она как раз пришла.

Гайдучёнок вызвал жену к себе в кабинет.

– На каком основании допустили опоздание? – официальным тоном спросил он.

– Да ты же сам знаешь, Ваня... – виноватым тоном начала Елена Павловна.

– Какой я вам Ваня? – возвысил голос Гайдучёнок. – Я – начальник погранотряда!.. Я вам покажу, как нарушать дисциплину! – все более распаляясь и повышая тон, начал он кричать на провинившуюся.

Елена Павловна в испуге молчала. А Гайдучёнок в моем присутствии вызвал к себе секретаря Савицкого и коменданта Глушенкова и приказал арестовать Елену Павловну на 15 суток. Все мы стали упрашивать его отменить приказ, но Гайдучёнок рассвирепел, выхватил маузер и сказал, что если мы не прекратим свои просьбы, он нас всех перестреляет.

Коменданту Глушенкову ничего более не оставалось делать, и он позвал бедную, перепуганную Елену Павловну в тюрьму. Правда, через полчаса гнев Гайдучёнка прошел, и он распорядился освободить жену и отпустить ее домой «в связи с беременностью».

Вскоре после этого инцидента Елена Павловна уехала в Петроград к родным, где родила мальчика, которого назвали Игорем. Гайдучёнок был страшно горд тем, что у него родился сын и очень хотел поскорее его увидеть. Вызвав меня к себе, он сказал, что поскольку у меня нет родных, он предлагает мне поехать в Петроград на несколько дней отдохнуть у родственников его жены, кстати, осмотреть город, а на обратном пути помочь Елене Павловне добраться с грудным ребенком из Петрограда в Слуцк. (Учитывая исключительно тяжелые условия дороги в то время, это поручение по существу являлось сложным и ответственным заданием. Ведь трудно было не только достать билеты, но и практически сесть в переполненные до отказа вагоны. А от Петрограда до Слуцка надо было сделать две пересадки: в Витебске и в Осиповичах. Кроме того, следует учесть и большие продовольственные затруднения, когда на станциях (и далеко не на каждой) надо было с трудом добиваться получения по аттестату и то только через транспортные органы ЧК скудного пайка. Само собой разумеется, что Гайдучёнок снабдил меня на дорогу всем, чем только было в то время возможно. А именно, основной «валютой», представляющей огромную ценность – солью (около двух фунтов, за 50 граммов которой можно было выменять фунт сливочного масла.)

Когда Елена Павловна была в положении, а затем уехала в Петроград рожать, Гайдучёнок, живший на квартире у слуцкого бранд-майора пожарной команды, закрутил роман с его хорошенькой дочкой. В то время Гайдучёнок был еще интересным мужчиной и пользовался большим успехом у женщин.

Большинство работников погранотряда знало о романе Гайдучёнка, но он был уверен, что это абсолютная тайна.

Однажды дочка бранд-майора проходила мимо окон помещения погранотряда, а я, стоя возле окна, докладывал о чем-то Гайдучёнку, и, увидев ее, сказал:

– Вон ваша бранд-майорша идет.

– Что ты сказал? – взревел Гайдучёнок. – Какая моя? Почему моя? Да я тебя, сукинова сына, в порошок сотру! Как ты смеешь такие вещи про меня говорить.

– Ведь все об этом знают, Иван Осипович, чего вы волнуетесь, – стал успокаивать его я.

– Знают, говоришь? – сразу тоном ниже спросил он. – Откуда?

Я развел руками, так как действительно не знал, кто первый сообщил об этом¹³³.

¹³² Очень частое место службы для жен чекистского начальства.

2) Петроград

По приезду в Петроград я был принят родственниками Елены Павловны как родной и остановился у них на квартире. Это была замечательная трудовая русская семья. Одна из родственниц Елены Павловны имела какое-то отношение к театрам, и за время моего пребывания в Петрограде я с нею вместе побывал на ряде интереснейших спектаклей и концертов.

Особенно запомнились мне оперные спектакли, которые я видел впервые в жизни в так называемом Народном Доме¹³⁴, с участием знаменитого в то время тенора Рождественского¹³⁵. Там я видел оперы «Ночь перед рождеством»¹³⁶, «Дубровский»¹³⁷ и «Баркохба»¹³⁸. Я был потрясен всем виденным, которое казалось мне волшебной сказкой.

В те же дни мне посчастливилось услышать Федора Ивановича Шаляпина, но не помню, в операх или в концертном исполнении (скорее второе). В памяти сохранились ария Мефистофеля из «Фауста», «Демон», а также помню, как я плакал, слушая в исполнении Шаляпина «Элегию» Массне.

Петроград произвел на меня неизгладимое впечатление. Я никогда не видел такого прекрасного города, таких зданий, мостов, памятников и чугунных решеток. Меня поражало, что в такое тяжелое и голодное время, когда люди форменным образом голодали, все театры были переполнены, настроение у всех было радостное. Люди были приветливыми и доброжелательными. На улицах петроградцы были внимательными и вежливыми, и на мои вопросы как попасть куда-либо отвечали охотно и подробно, я же чувствовал себя неотесанной периферийной дубиной.

Как-то мы ехали с родственницей Елены Павловны в трамвае, и я стоял в проходе. Кто-то сзади меня стал спрашивать, выхожу ли я на такой-то остановке, но я молчал как пень, не понимая даже, что вопрос относится ко мне, да, кроме того, и не знал названий ни одной остановки. Меня спросили во второй и в третий раз, но я все не отвечал, тогда кто-то из пассажиров стал выговаривать мне, что я веду себя невежливо, но моя спутница вступилась за меня и объяснила, что я впервые в Петрограде, приехал из глуши, и все пассажиры сразу же успокоились и переменили нравоучительный тон на доброжелательный.

В Петрограде я пробыл, кажется, немногим более двух недель, но впечатлений за это время набрался больше, чем за все свои девятнадцать лет.

3) Обратно в Слуцк

Затем вместе с Еленой Павловной и Игорьком, которого все в шутку называли моим «крестником» (вторым после ребенка Шварца), мы отправились в Слуцк. Из Петрограда до Витебска мы доехали более или менее прилично, так как в транспортном отделе ВЧК в Петрограде нам выдали билеты и помогли занять в купе нижнюю полку для Елены

¹³³ Судя по отдельному размещению выделенного курсивом фрагмента в тексте мемуаров, автор сомневался, следует ли сохранить его в полном варианте рукописи.

¹³⁴ Народный дом Императора Николая II в С.-Петербурге (Народный дом им. К. Либкнехта и Р. Люксембург, Госнардом). Построен в 1896, после пожара 1934 не раз реконструировался: Театр им. Ленинского комсомола (1936), кинотеатр «Великан» (1950), Мюзик-холл (1978).

¹³⁵ Рождественский Николай Николаевич (1888(1883?)–1934, Алма-Ата) – русский оперный (драматический) тенор) и концертный певец. В 1913–15 – солист Театра муз. драмы, с 1916 – Оперного театра С.И. Зимина, в 1918–26 – оперной труппы Народного дома (Петербург-Петроград).

¹³⁶ «Ночь перед Рождеством» – опера в четырех действиях и девяти картинах Н.А. Римского-Корсакова (1895).

¹³⁷ «Дубровский» – опера в четырех действиях Э. Ф. Направника по либретто М. И. Чайковского (1895).

¹³⁸ Опера М. Гнесина «Бар-Кохба» посвящена восстанию евреев против римлян во II веке и его лидеру Бар-Кохбе.

Павловны с ребенком, а верхнюю для меня. Плацкарт тогда не было и места надо было брать «с бою». На пересадке в Витебске и в Осиповичах дело было значительно труднее, но тем не менее все же я усадил Елену Павловну с Игорьком и нашел место себе.

По дороге на станциях поезда тогда стояли очень долго, пассажирам приходилось частенько заготавливать дрова для топки, расчищать пути от снега и т. п. На перронах разводились костры, на которых пассажиры варили себе нехитрую кашу. Мне приходилось варить в котелке пшеничную или какую-либо другую кашу для себя и Елены Павловны, у которой на руках был Игорек. Но тем не менее мы благополучно добрались до Слуцка, где нас с радостью встретил Иван Осипович и благодарил меня за доставленных с «комфортом» жену и сына.

Надо сказать, что после X-го съезда партии (состоявшегося в марте 1921 г.), когда новая экономическая политика (нэп) начала вступать в свои права, на границе появились так называемые «красные купцы». Это были обычные контрабандисты, которые вполне легально переходили границу от нас в Польшу и обратно оттуда к нам, привозя каждый 1–2 подводы контрабандных товаров (мануфактуру, сахарин, вина, сырье для спичечной промышленности и т. д.). Их работа поощрялась как погранотрядом, так и работниками Разведупра, так как они будто бы доставляли ценные разведывательные данные¹³⁹.

Как выяснилось впоследствии, фактически дело обстояло не совсем так. В большинстве случаев эти крупные спекулянты являлись «двойниками», то есть работали как на нашу, так и на польскую разведку, и неизвестно, кому они приносили больше пользы, нам или полякам.

Но в то время, когда я прибыл в погранотряд, «красные купцы» периодически курсировали через границу и считались нашими помощниками.

Мать Гайдучёнка проживала где-то в селе на территории, отошедшей к Польше, и Иван Осипович попросил кого-то из «красных купцов» при очередном рейсе привезти к нему через границу на побывку его старушку мать. Его просьбу один из «красных купцов» выполнил. Гайдучёнок встретил мать очень ласково. Она прогостила у него около месяца. Первое время все шло очень хорошо, но однажды произошел казус. Старуха оказалась яркой антисемиткой. Узнав, что я еврей, она первое время недружелюбно косилась на меня и презрительно поджимала губы, когда я входил в комнату, но потом, когда мы познакомились поближе, а также узнав, что Гайдучёнок очень любит меня, она сменила гнев на милость и как-то в присутствии сына заявила:

– Ты знаешь, Мишка, хоть ты и жид, но я тебя люблю, а вот других жидов я бы всех перерезала.

Услышав подобное высказывание, Гайдучёнок взорвался:

– Ты что контрреволюцию мне здесь разводишь! – заорал он, стукнув кулаком по столу. – Да как ты смеешь одну нацию на другую натравливать!

– Что ты, что ты, сыночек, да я ведь в шутку, – забормотала старуха, крестясь от испуга. – Господь с тобою!

– Ты, видно, там с попами снюхалась, – гневно глядя на крестящуюся мать, продолжал кричать Гайдучёнок. – А может быть, сам пан Пилсудский¹⁴⁰ тебе поручил шпионажем здесь заниматься! Да ты знаешь, что за такие вещи у нас здесь «шлепают»¹⁴¹!

Старуха побледнела и молча сидела ни жива ни мертва. А Гайдучёнок разошелся и уже не мог остановиться, продолжая угрожать матери расправиться с нею.

¹³⁹ Использование контрабандистов спецслужбами в качестве агентуры было обычной практикой.

¹⁴⁰ Пилсудский Юзеф Клеменс (1867–12.5.1935, Варшава). Польский военный, гос. и политический деятель, первый глава возрожденного Польского государства, основатель польской армии; маршал Польши.

¹⁴¹ Проявления антисемитизма по тогдашней судебной практике были серьезным отягчающим обстоятельством, особенно если остальные обвинения оказывались недостаточно состоятельными.

С большим трудом Елена Павловна и я уговорили Ивана Осиповича оставить мать в покое. Но с того дня между сыном и матерью как бы пробежала черная кошка, и вскоре ее переправили обратно за границу к себе в село, с очередным обозом «красных купцов».

Перед отъездом старушка, желая продемонстрировать сыну свою любовь к евреям, даже расцеловалась со мною и еще раз просила Гайдучёнка, чтобы он больше на нее «не серчал».

Но возвращаюсь к работе погранотряда.

Конечно, более чем сорок лет, прошедшие с тех пор, лишают меня возможности восстановить в памяти многие интересные операции, а главное, я совершенно не могу установить хронологию событий. Отдельные факты по тем или иным причинам наиболее ярко запечатлелись в памяти. О них я и стараюсь писать.

4) Копыль (операция «Земляки»)

По агентурным данным погранотряду стало известно, что вдоль советско-польской границы, в районе местечка Копыль Слуцкого уезда, орудует банда шпионов-контрабандистов¹⁴² из местных кулаков. Эта группа занималась шпионажем и помогала бандам Булак-Балаховича, систематически совершавшим набеги на пограничные пункты Советского Союза с территории, оккупированной белополяками¹⁴³. Бандиты Булак-Балаховича, переходя границу, объединялись с группами этих местных кулаков, и затем они совместно совершали налеты на погранпосты и другие советские организации.

Как-то в погранпост местечка Копыль поступили сведения, что на следующий день ожидается налет банды Булак-Балаховича. Начальник погранпоста Илья Самсонович Репин¹⁴⁴ обратился к Гайдучёнку за помощью, так как ожидался налет крупной банды верховых (свыше ста сабель). Целью налета был полный разгром и уничтожение погранпоста.

Гайдучёнок выделил на помощь в Копыль 35 или 40 человек кавалеристов и поручил мне командовать ими. В качестве проводника райисполком города Слуцка выделил нам подводу со знающим дорогу возницей.

Это было в дни рождественских праздников [1921 г.]. Стоял сильный мороз. Рано утром наша группа выехала из Слуцка. Все наши кавалеристы были вооружены трехлинейными винтовками и имели порядочное количество гранат. На подводе лежали два пулемета «Максим» и продукты. Вскоре наш отряд въехал в лес, тянувшийся почти до самого местечка Копыль.

Наш возчик, белорус, стал рассказывать страшные истории о нападении на путников волков и говорил, что недавно волки разорвали в лесу конника вместе с лошастью. Мне никогда в жизни не приходилось встречать волков, и я не представлял себе, что надо делать, если бы они вдруг появились. Но день клонился к вечеру, а все было тихо и спокойно.

¹⁴² Именование контрабандистов шпионами было устойчивой чекистской традицией. Вместе с тем польская разведка проявляла до начала 30-х годов значительную активность, имея свою агентуру на советской территории, используя, разумеется, и контрабандистов.

¹⁴³ Имеются в виду территории Западной Белоруссии, отошедшие к Польше по Рижскому миру 1921 г.

¹⁴⁴ Правильно – Репин Самсон Иванович (1895–?). Чл. компартии с апр. 1920. Уроженец д. Лукершино Хохловской вол. Смоленского уезда и губ. Из крестьян-батраков, русский, образование начальное (5 кл. городского уч-ща). С 1915 по сент. 1917 служил в российской армии, демобилизован по болезни. С марта 1918 служил в Смоленском уездном совете народных судей. В ЧК–ОГПУ с дек. 1918, служил в Особотделе ВЧК Западного военokrуга (с 1918), особотделе 17-й стр. дивизии (1919–21). Воевал с поляками, отрядами Булак-Балаховича; в 1921–22 на Зап. фронте руководил операциями по ликвидации отдельных повстанческих отрядов. На 1927–28 работал в Особом отделе ОГПУ СССР (Москва), по собственному желанию был откомандирован в Сибирь. Имел партвыговор «за выпивку». С окт. 1928 по 1930 – пом. нач. Иркутского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая. На 1938 – нач. УРКМ УНКВД по Иркутской обл., арестован 7.7.1938. Обвинялся по ст. 58-8-11 УК, дело 4.10.1939 было прекращено.

– Что же это ты, брат, болтал, болтал про волков, а вот почти целый день едем лесом и никаких волков нет, – шутя попрекнул я возчика. Но не прошло и пяти минут после сказанных мною слов, как вдруг лошадь возчика захрапела и стала бить копытами.

– Ах, кап ты сдохла, цоб тебя волк зъел, – начал ругаться возчик, дергая вожжами. Но тут и моя лошадь взвилась на дыбы, а за нею и все остальные, находящиеся позади нас, стали бить ногами, фыркать и бросаться в стороны.

– Волки! – крикнул кто-то из бойцов.

И тут все мы увидели метрах в пятидесяти впереди нас, направо от дороги, большую стаю волков, появившуюся из леса. Они спокойно стояли, ожидая, когда мы приблизимся к ним. В первый момент я растерялся и не знал, что делать.

– Огнем надо поугадать, – предложил кто-то.

Один из бойцов спешил, выхватил из подводы пук соломы, поджег его и, сделав по направлению к волкам несколько шагов, бросил горящий пук на дорогу.

Эта операция не произвела на волков никакого впечатления, они не двинулись с места. Тогда я дал команду открыть по волкам ружейный огонь. Бойцы дали два-три залпа. Несколько волков были ранены и в стае мгновенно началась бешеная грызня – это оставшиеся в живых рвали в клочья раненных. Через минуту грызня прекратилась, но волки по-прежнему не уходили с дороги. Пришлось дать по стае очередь из пулемета. И только после этого стая рассеялась, и мы наконец смогли тронуться дальше.

Но инцидент с волками не прошел нам даром. Ружейную стрельбу и пулеметную очередь слышали в местечке Копыль, от которого мы находились уже в полутора или двух километрах.

Вскоре, в надвигающихся сумерках, вдалеке на дороге впереди нас показался отряд конников. Раздался возглас команды, и с места в карьер по нам выпустили пулеметную очередь. Мы остановились и приняли оборонительную позицию. К счастью, никто из нас не был ранен.

Голос командира встречного отряда показался мне знакомым и, взглядевшись в сгущающиеся сумерки, я узнал по фигуре командира Копыльского отряда Репина.

– Чего палишь по своим, Репин! – заорал я как можно громче.

Репин узнал меня по голосу и недоразумение рассеялось.

Оказалось, что услышав стрельбу, Репин решил, что бандиты Булак-Балаховича обошли его с тыла, поднял отряд и помчался на выстрелы. А увидев наш отряд, издали в сумерках принял нас за бандитов.

Через полчаса мы вместе с отрядом Репина прибыли в Копыль, и в ту же ночь наш отряд вместе с копыльскими работниками, под руководством Репина и моим, произвел обыски и аресты по имеющемуся у нас списку адресов. Всего было арестовано около 70-ти человек кулаков¹⁴⁵, у которых было найдено спрятанным большое количество оружия.

На рассвете поджидаемая нами группа кавалеристов из банды Булак-Балаховича в количестве около 50-ти верховых перешла границу, но наш отряд был в полной боевой готовности. Кроме того, они не получили ожидаемой поддержки от своих пособников, кулаков, которых мы ночью арестовали.

После продолжительной перестрелки бандиты скрылись на польскую сторону, оставив на нашей территории четырех убитых. Наш отряд никаких потерь не понес. Только начальник отряда Репин был ранен в ногу.

Таким образом, была ликвидирована контрреволюционная шпионская организация, агентурно разрабатывавшаяся под названием «Земляки». В процессе следствия была выявлена связь арестованных местных кулаков с бандитами Булак-Балаховича и со штабом Бориса Савинкова. Главари были расстреляны, а остальные осуждены на разные сроки.

После ликвидации «Земляков» Гайдучёнок, убедившись в моей способности самостоятельно проводить крупные операции, стал поручать мне более ответственные

¹⁴⁵ При населении Копыля примерно в четыре тысячи жителей.

задания. В частности, когда была проведена паспортизация населения пограничной зоны, право подписи паспортов, кроме Гайдучёнка и его заместителя Грязных, предоставлялось также и мне. (Возможно, где-нибудь в архивах г. Слуцка или у старых жителей сохранились паспорта, подписанные мною.)¹⁴⁶

5) Слуцкие трагедии и комедии

В период моего пребывания в Слуцке в моей следовательской практике произошел неприятный казус.

После очередного налета группы белобандитов и перестрелки был задержан и арестован участник банды Булак-Балаховича (фамилии не помню), здоровенный детина, высокий и широкоплечий. По сравнению с ним я выглядел ребенком, хотя мне шел 20-й год.

Было мое дежурство и мне пришлось допрашивать бандита. Во время допроса он схватил стоящую на столе чернильницу и швырнул ее в меня. На мой звонок вбежал дежурный комендант и двое или трое красноармейцев, которые схватили бандита за руки и, пока он, ожесточенно отбиваясь, угощал усмирителей сапогами и локтями, хорошенько поназдавали ему и связали руки за спиной. После окончания следствия ревтрибунал приговорил бандита к расстрелу.

Через некоторое время к следователю Хрусталеву попал какой-то торговец, арестованный по подозрению в контрабанде. По-видимому, против него не было достаточных улик, и он вскоре был освобожден.

Примерно через неделю в погранотряд прибыл следователь военного трибунала 8-й стрелковой дивизии, куда торговец подал жалобу на то, что следователь Хрусталеv во время допроса побил его. Хрусталеv не отрицал этого, но заявил работнику трибунала, что вот, мол, следователь Шрейдер тоже однажды приказал бить одного подследственного из банды Булак-Балаховича.

И вот ко мне явился работник трибунала, довольно симпатичный, и стал расспрашивать об инциденте с бандитом. Я рассказал ему все как было, ничего не утаив. Работник трибунала сказал, что я поступил правильно, распрошачься со мною и уехал. А недели через две я получил вызов в Военный трибунал в г. Бобруйск, где меня судили за неправильные методы ведения следствия и, несмотря на то, что бандит первым напал на меня и избил сотрудников, а также и на то, что лично я никакого участия в избиении не принимал, все же меня осудили условно на один год [заключения].

Члены трибунала, кроме председательствующего, считали приговор неправильным и советовали мне немедленно его обжаловать. (Насколько мне помнится, один из членов трибунала был командир какой-то части, Павлов.)

Я поехал в Минск к председателю Белорусской ЧК Яну Ольскому, рассказал ему как было дело, и Ольский тут же написал об этом случае товарищу Дзержинскому, который, по-видимому, принял соответствующие меры, так как вскоре я получил решение ВЦИК РСФСР об отмене условного приговора военного трибунала в отношении меня как неправильного.

Запомнились мне некоторые юмористические эпизоды, относящиеся к периоду работы в Слуцке.

Нашему 4-му погранотряду подчинялась 21-ая бригада войск ВЧК, командиром которой был бывший царский офицер товарищ Ведерников, представительный, уже немолодой, с красивым лицом и большими усами с проседью. Это был чудесный человек, преданный делу революции, большой добряк и любимец как своих бойцов, так и всех нас, оперативных

¹⁴⁶ Население Слуцка, состоявшее в основном из евреев, было почти целиком уничтожено в годы нацистской оккупации.

работников. (Кстати, он был очень похож на тогдашнего Верховного главнокомандующего С.С. Каменева¹⁴⁷.)

В то время Слуцк был очень грязным городишкой, большинство улиц были немощеными. Парады и митинги обычно устраивались на большой базарной площади, где также была расположена и самая большая в городе церковь.

Однажды, в связи с ликвидацией 21-й бригады, было намечено провести на площади прощальный парад. В качестве члена ликвидкома от Погранотряда № 4 на параде присутствовал я. Бойцы 21-й бригады парадным маршем продефилировали по площади и выстроились.

Поскольку день был воскресный, на площади собрался весь «цвет» городка. Одни просто гуляли, другие пришли посмотреть на парад, а возле церкви толпились верующие, так как там, как выяснилось несколько позже, должна была состояться какая-то служба. Время было около часу дня.

И вот командир бригады Ведерников выступил перед бойцами с прощальной речью, в которой охарактеризовал самоотверженную боевую работу бригады в гражданской войне и в борьбе с бандитизмом, и в самых ярких красках стало описывать весь ее героический боевой путь.

Но вдруг, когда Ведерников дошел примерно до половины намеченной речи, раздался удар церковного колокола. Ведерников досадливо покосился на колокольню и, повысив голос, продолжал свое выступление. Но тут звонарь, как бы нарочно, начал бойко названивать во все колокола. Веселый перезвон разносился по всей площади и заглушал слова оратора. Ведерников попытался было еще повысить голос, но, поняв всю тщетность этой попытки, прервал речь, повернулся в сторону колокольни и начал кричать звонарю, чтобы тот немедленно перестал звонить. Звонарь, глядя вниз на отчаянно жестикулирующего Ведерникова, преспокойно продолжал звонить. Слов он, конечно, не мог слышать.

Тогда Ведерников выхватил револьвер и начал грозить звонарю оружием, но тот, благоразумно отступив вглубь колокольни, продолжал звонить. Окончательно вышедший из себя Ведерников разразился отборной руганью в адрес долгогривых подлецов попов и звонарей.

Положение было крайне комичным и все заполнившие площадь жители города, а также и бойцы невольно смеялись. Ведерников же ругался, а затем, отчаянно махнув рукой, скомандовал: «Вольно!». Так парад и не удалось довести до конца.

Надо признаться, что эта злополучная площадь была также свидетельницей и моего минутного позора.

В тот период я впервые в жизни был влюблен в красавицу Лиду, высокую и стройную шатенку с голубыми глазами, и все свободное время проводил в ухаживаниях. Лида была дочерью мелкопоместных польских дворян. Поместье у них отобрали, но небольшой хорошенький домик в Слуцке оставили, а ее отец даже работал на какой-то должности в Райфинотделе.

За Лидой увивались многие, и я имел очень серьезных соперников, но тем не менее надежды не терял. В погранотряде знали о моем увлечении и посмеивались, говоря, что я мечу в зятя к помещику.

А Лида тем временем всем своим поклонникам кружила головы, никому не отдавая явного предпочтения. Она хорошо играла на пианино, и помню, как-то шутливо напевала мне слова Григоровского Сольвейга¹⁴⁸ о том, что «если нам не удастся соединиться на земле, то мы встретимся на том свете». Меня, конечно, такая перспектива не устраивала, я

¹⁴⁷ Каменев Сергей Сергеевич (1881–25.8.1936, Москва). Командарм 1-го ранга (1935). Чл. компартии с 1930. В РККА с 1918. С 8.7.1919 по апр. 1924 – главнокомандующий вооруженными силами Республики.

¹⁴⁸ Имеется в виду пьеса «Песня Сольвейга» из сюиты Э. Грига по драме Г. Ибсена «Пер Гюнт» (Сольвейг, невеста Пер Гюнта, ждала его возвращения сорок лет).

предпочитал землю, но Лида была довольно религиозной католичкой и ставила мне обязательное условие – креститься, так как за еврея она выйти замуж не сможет, а я доказывал ей, что бога нет и поэтому нет никакой необходимости креститься. Несмотря на эти разногласия, все же я довольно часто встречался с Лидой и изредка бывал у нее дома. Несколько раз мы с нею танцевали на организованных Помголом вечерах, и один раз даже получили первый приз за лучшее исполнение вальса. (Флаконе одеклона.)

И вот как-то тоже в воскресенье несколько работников погранотряда, в том числе Николай Осипов и я, решили немного покататься верхом. У меня была хорошая лошадка, а также недавно был сшит (первый в жизни) новый костюм. Начистив до блеска сапоги и нарядившись в новый костюм, я сел на лошадь и вместе с остальными товарищами, также принарядившимися, мы направились по улицам Слуцка к базарной площади, где обычно сосредотачивалась вся гуляющая публика.

Когда мы приближались к площади, Николай Осипов, всегда симпатизировавший мне, а также знавший о моем увлечении, по-отечески хлопнул меня по плечу и сказал:

– Ну, Миша, выезжай вперед, покрасуйся.

Я легонько тронул лошадь шпорами и выехал вперед.

Накануне прошел сильный дождь и на площади было несколько больших луж. Так как день был праздничный, там уже гуляло много народу. И когда моя лошадка выехала вперед, я, гордо сидя в седле, посматривал вокруг, разыскивая глазами Лиду.

Вдруг лошадка поскользнулась и резко припала на переднюю ногу. А я, с места в карьер, лихо перелетел через ее голову и в своем новом костюме шлепнулся в середину одной из самых больших луж.

Трудно описать весь ужас моего положения. Облитый с ног до головы грязью, под хохот окружающих, я поднялся, выкарабкался из лужи, ничего и никого не видя перед собой, вскочил на злополучную виновницу моего позора и поскакал обратно в конюшню, где целый час вытирался и отмывал грязь.

Вскоре моя первая любовь – Лида, отвергнув мои ухаживания, вышла замуж за одного из наших пограничников, тоже Мишу, но русского по национальности, и уехала с ним в Минск.

Хочу сказать несколько слов о судьбе Николая Осипова. В связи с введением новой экономической политики в Слуцке понемногу начали открываться частные магазины, и на улицах появились толстые самодовольные торговцы и торговки.

Кое-кто из наших особистов не понял разумнейший ход ленинской политики нашей партии. На одном из наших партсобраний член партии с 1917 года, участник октябрьских боев, мой старший товарищ и покровитель Николай Осипов выступил со следующим заявлением:

– Мы не за то проливали кровь, чтобы частники открывали свои магазины. Я не согласен с политикой нэпа и поэтому выхожу из партии.

Несмотря на бесконечные уговоры и разъяснения Осипов остался при своем мнении. В течение некоторого времени он еще оставался работать в особом отделе как беспартийный, а затем по личному настоянию демобилизовался.

(Впоследствии я неоднократно встречал Осипова в Москве. После Великой Отечественной войны он работал по своей дореволюционной специальности, в промышленной торговой сети, и не пытался восстановиться в партии, т. к. боялся, что его заподозрят в карьеризме. Но тем не менее он остался таким же честным, скромным и хорошим товарищем, глубоко сожалел о своей ошибке и выходе из партии, и всю жизнь в быту и на работе был настоящим большевиком.)

б) Семежево

Как-то я попросил Гайдучёнка направить меня работать на самую границу, в Семежево. Там были и контрабандисты, и наиболее активно действовали банды Булак-Балаховича, имевшие в Семежево и в ряде прилегающих к местечку деревень своих агентов.

Семежевский участок считался наиболее опасным и основные силы погранвойск нашего отряда всегда сосредотачивались там, а я был молод и горяч, и, естественно, склонен к героической романтике.

(Вынужден опять оговориться, что за давностью происходящих событий, а также не располагая никакими документами, я не могу точно установить хронологию ряда событий того периода. Также не помню, когда я был послан в Семежево, до поездки в Копыль или после, помню только, что это было летом.)

И вот я получил назначение комиссаром погранзаставы № 4 в местечко Семежево. Начальником заставы был тогда Соколов, по своему внешнему виду напоминавший батьку Махно¹⁴⁹, но очень хороший боевой чекист и довольно культурный человек. Старшим уполномоченным был москвич Николай Щербаков.

Семежево было большим и богатым местечком, населенным в большинстве белорусами, евреями и поляками, занимавшимися мелкой торговлей и сельским хозяйством. На местечко часто совершали налеты банды Булак-Балаховича, и нам круглосуточно приходилось быть в боевой готовности. Как мы, так и наши красноармейцы редко спали раздетыми и разутыми, и жизнь походила на фронтную, окопную.

Однажды в ветреный летний день загорелся деревянный дом на окраине местечка, а затем пожар внезапно возник и с трех остальных сторон. В это же время на погранзаставу прибежал наш «источник»¹⁵⁰ и сообщил, что группа верховых белобандитов перешла границу и приближается к местечку Семежево.

Мы успели сообщить об этом по телефону в Слуцк и своим соседям – 5-му погранотряду в местечке Тимковичи, прося помощи, а сами разделились на две группы: одна, меньшая часть должна была руководить населением по тушению пожаров, а основная часть, вооруженная пулеметами, направилась навстречу наступающей банде.

В этой сложной обстановке, после почти часового боя нам наконец удалось рассеять банду, которая скрылась, оставив нескольких убитых. После чего все мы бросились на борьбу с все шире распространяющимся и принимающим грандиозные размеры пожаром.

В разгар боя и пожара прибыли из Слуцка Гайдучёнок на легковой машине, Осипов и слуцкий брандмайор добровольной пожарной команды. Вслед за ними прибыл кавалерийский отряд из Слуцка, а также группа товарищей из Тимковичей.

Все прибывшие товарищи вместе с нами в течение суток безуспешно боролись с огнем. Большинство строений местечка были деревянными, кроме того, был сильный ветер и почти совершенно отсутствовали противопожарные средства. Были только бочки на колесах, которыми надо было издалека возить воду.

Следует, конечно, учесть и то обстоятельство, что в первые минуты пожара, когда его можно было бы еще локализовать, большая часть нашего отряда была вынуждена вести бой с белобандитами. Местное же население было настолько запугано, что нашим работникам чуть ли не под угрозой оружия приходилось заставлять их тушить собственные дома.

В результате пожара было уничтожено более половины домов местечка. В числе уцелевших строений оказались церковь, синагога и костел. На этом попыталось сыграть реакционное духовенство, которое немедленно распространило слухи, что пожар является «небесной карой против безбожников большевиков» и что «вот, мол, святые места не сгорели, так как бог их охранял».

Как позднее было установлено расследованием, Семежево было подожжено агентами польской разведки, жителями местечка, которые имели связь с белобандитами и получили от них задание произвести в условленное время поджег города с четырех сторон, одновременно

¹⁴⁹ Махно (Михненко) Нестор Иванович (1888–25.7.1934, Париж), один из лидеров национального движения на Украине, анархист. Организатор огромной крестьянской повстанческой армии, воевавшей с немцами, денкинцами и красными. Бежал в 1921 за границу, эмигрант. Автор мемуаров. Выглядел низкорослым, шуплым, скуластым и длинноволосым, что, вероятно, и отметил М.П. Шрейдер при характеристике Соколова.

¹⁵⁰ Конспиративный агент.

с переходом границы и нападением на нас банды белобандитов. (Характерно, что среди этих агентов оказались лица, имевшие непосредственное отношение к некоторым служителям религиозных культов, которые усиленно распространяли слухи о «божьей каре».)

7) Прощание с Гайдучёнком

Вспоминаю о конфузной истории, в связи с которой Гайдучёнок был откомандирован из Слуцка на другую работу.

Когда я впервые приехал в Слуцк, погранотряд размещался в очень плохом ветхом доме. Но вскоре городские власти выделили для нас более удобное помещение. Однако Гайдучёнку это, вполне приемлемое по тем временам, помещение показалось недостаточно хорошим, и он через некоторое время стал требовать у городских властей еще лучшего, в чем ему было справедливо отказано.

Гайдучёнок воспринял этот отказ как личное оскорбление и, пригласив к себе секретаря уездного комитета партии Танхилевича и председателя уездного ревкома (фамилии которого не помню), вновь начал требовать выделения другого, лучшего дома для погранотряда. Руководители ревкома подтвердили свой отказ. Тогда Гайдучёнок объявил им, что он арестовывает их на пятнадцать суток.

Работники погранотряда, находившиеся в этот момент в кабинете Гайдучёнка, начали уговаривать его отказаться от незаконного и недопустимого поступка. Ему говорили, что он за это пойдет под суд и т. п., но Гайдучёнок распалился как обычно и настоял на своем, отправив руководителей уезда под конвоем в комендатуру, этажом ниже своего кабинета.

Как раз в тот момент я дежурил в комендатуре как заместитель коменданта. Позвонил телефон, и я услышал голос Ивана Осиповича.

– Там к тебе сейчас двух типов приведут. Выгони их к чертовой матери.

Каково же было мое изумление, когда в помещение комендатуры вошли, сопровождаемые конвоирами, секретарь уездного комитета партии Танхилевич и председатель уездного ревкома.

Передав конвоирам, что Гайдучёнок распорядился отпустить задержанных, я проводил их к выходу, пробормотав какие-то извинения в оправдание крутого нрава Гайдучёнка.

Вскоре после этой скандальной истории в Слуцк прибыл первый секретарь ЦК компартии Белоруссии товарищ Богуцкий и на собрании актива всего уезда как следует «проработал» Гайдучёнка как анархиста.

Помню, как на этом собрании кто-то из доброжелателей Гайдучёнка пытался доказать, что у Гайдучёнка не в порядке нервы.

– Гайдучёнок, ты нервный? – спросил Богуцкий.

– Так точно, товарищ Богуцкий.

– Почему же ты не бьешься головой об стенку? – строго спросил Богуцкий.

– Больно будет, – почесав затылок, хмуро ответил Гайдучёнок.

Все расхохотались.

Очень любя Гайдучёнка, я во время «проработки» нервничал. Мне казалось, что ему грозят крупные неприятности, и я, взяв слово, попытался вступить за него, и начал доказывать, что Гайдучёнок прекрасный работник, замечательный человек и т. д., и т. п.

– Эх ты, а еще виленский комсомолец, – оборвав меня, с укоризной сказал Богуцкий. – Вместо того чтобы встать на правильную линию, защищаешь своего виноватого начальника.

Не помню, чем закончилась «проработка» и было ли наложено на Гайдучёнка какое-либо взыскание. Во всяком случае, ругали его здорово. А после собрания Богуцкий вызвал меня к себе и наедине долго разъяснял, что я поступил неправильно и что настоящему коммунисту нельзя ради дружбы и уважения к начальству поступаться справедливостью. Раз человек виноват, значит, надо его критиковать, а не защищать, независимо от того, начальник ли он или твой подчиненный.

Конечно, после подобного инцидента Гайдучёнка нельзя было оставлять в Слуцке, и он приказом из Москвы был переведен в Минск на должность начальника погранотряда № 3. «Наказание» это было весьма слабым, так как погранотряд № 3 был более значительным, не говоря уже о том, что он находился в столице Белоруссии. Но Гайдучёнок так легко отделался только потому, что был замечательным, преданным делу коммунизма большевиком, активным участником Октябрьской революции и опытным чекистом, а в то тяжелое время каждый преданный партии коммунист был на счету. Поэтому и на его самодурство посмотрели «сквозь пальцы»¹⁵¹.

Все мы с грустью расставались с Гайдучёнком. Особенно тяжелой эта разлука была для меня. Ведь он любил меня как сына, и я платил ему полной взаимностью.

Накануне отъезда Гайдучёнку были устроены теплые проводы, и на память все мы вместе с ним фотографировались. Фотография у меня сохранилась, но, к сожалению, фамилии очень многих товарищей я уже не могу восстановить в памяти. Напишу о тех, кого помню, а остальных, возможно, смогут расшифровать другие.

(Внизу лежат слева направо: Шрейдер, Маричева, Е. П. Гайдучёнок, остальных двоих не помню.

Сидят слева направо: Николай Пик, второй – нач. следственной части (фамилии не помню); третий – Андрей Жданович, четвертый – зам. нач. погранотряда Грязных, пятый – Иван Осипович Гайдучёнок, шестой – секретарь Гайдучёнка – Савицкий; седьмой (в светлом свитере) комендант Глушенков; восьмой – нач. финчасти (фамилии не помню), впоследствии был нач. финотдела ГПУ Крыма; девятого и десятого не помню, последний, одиннадцатый – младший брат Пика.

Стоят, первый ряд, слева направо: первых четверых не помню, пятый, в матросской форме – Николай Осипов, шестой – Стах Станиславский, седьмой – Лева Березкин, восьмого не помню, девятый – следователь Озеров, двоих последних не помню.

Стоят в последнем ряду: первых троих не помню, четвертый – пом. коменданта Гриша Кац-Левин, пятый – Свистунов, шестой – Могилевский, седьмой – Чегодаев, остальных пятерых не помню.)

В день отъезда Гайдучёнка на вокзале собрался весь оперативный состав погранотряда. Когда Иван Осипович, расцеловавшись со многими из нас, в том числе и со мною, вошел в вагон, а все мы столпились на перроне, в последний момент он, высунувшись из окна и увидав у меня на глазах слезы, которые я не в силах был удержать, крикнул мне на прощание, чтобы приободрить:

– Если будут обижать, Мишка, не теряйся. Сыпь прямо ко мне. Перевод оформим.

8) Новое начальство

После отъезда Гайдучёнка начальником погранотряда был назначен Павицкий, в прошлом – офицер австро-венгерской армии, по национальности поляк и исключительный шовинист. Он привез с собою довольно подозрительную группу работников¹⁵² польской национальности, которых приблизил к себе, всячески выдвигал и поощрял, а на других смотрел свысока.

С первых же дней он оттолкнул от себя весь коллектив, за исключением привезенных с собой холуев.

Павицкий совершенно не интересовался агентурно-оперативной работой и абсолютно не уделял внимания борьбе с бандитизмом. Начал он свою деятельность с того, что вызывал к себе из Смоленска работников отдела снабжения особого отдела Западного фронта,

¹⁵¹ Подобное отношение к проштрафившимся коммунистам, занимавшим видные посты, было типичным для того времени: часто виновного просто удаляли из того места, где тот скомпрометировал себя.

¹⁵² Непременный перевод на новое место работы своих доверенных лиц был типичен для всех категорий партийно-советского и военно-чекистского начальства.

знакомых мне Мясникова, Грейнемана и других, и устраивал с ними какие-то совершенно секретные совещания, на которые приглашались отдельные контрабандисты из так называемых «красных купцов».

Для нас сразу стало подозрительным, почему это с так называемыми «красными купцами» – нашими разведчиками, совещаются работники снабжения. Ведь при Гайдучёнке для этой цели приезжали оперативные работники разведупра и особого отдела Западного фронта. Да и вообще при Гайдучёнке «красным купцам» разрешался ввоз промтоваров в очень ограниченном количестве (не более одной-двух, редко трех подвод). А после «оперативных» совещаний у Павицкого, на которые приглашался и, по-видимому, играл главную роль известный контрабандист и спекулянт «красный купец» Левин, положение резко изменилось. Левин и его шайка настолько обнаглели, что стали привозить из-за границы огромные обозы (до 15-ти подвод). Несколько раз наши пограничники задерживали эти обозы, причем Левин и его подручные неоднократно вступали в перестрелку с работниками погранпостов. Но каждый раз дело заканчивалось тем, что Павицкий их выручал, настаивая на беспрепятственном пропуске обоза через границу, утверждая, что они выполняют его особые задания.

При Павицком мне долго работать не пришлось.

Однажды ночью, когда я дежурил по погранотряду, постовой сообщил, что по шоссе со стороны границы движется большой обоз, подвод 15. С несколькими красноармейцами мы поскакали на шоссе, и я дал команду возчикам остановиться. Они, не обратив на команду никакого внимания, продолжали свой путь, тогда мы дали предупредительный залп в воздух.

Возчики остановились. Караван возглавлял «красный купец» Левин. Предложив Левину завернуть весь обоз во двор погранотряда, я позвонил по телефону на квартиру Павицкого и доложил ему о задержании большого обоза. Он предложил немедленно явиться к нему на квартиру и подробно доложить обо всем.

Когда я приехал к Павицкому, у него на квартире находился заместитель начальника отдела снабжения особого отдела Западного фронта Горский. Он и Павицкий были в состоянии сильного опьянения. Стол был заставлен закусками и контрабандными польскими винами.

Это зрелище произвело на меня отталкивающее впечатление. Как я уже упоминал ранее, Гайдучёнок, хотя сам частенько выпивал, никогда не позволял никому из работников погранотряда использовать контрабандные вина и никогда не брал их для себя, а тем более не разрешая устраивать пьянки и в каждом отдельном случае строго наказывал провинившихся.

Несмотря на то, что Павицкий был в состоянии сильного опьянения, я все же счел необходимым подробно доложить ему о задержанном мною большом обозе Левина.

Павицкий стал кричать на меня и приказал немедленно отпустить всех задержанных вместе с подводами и товарами. При этом он, указав на Горского, сказал:

– Вот представитель особого отдела Западного фронта, которому Левин везет этот товар из Польши.

Горский был настолько пьян, что вряд ли что-либо вообще соображал. Во всяком случае, он ничего не сказал ни в подтверждение слов Павицкого, [но] и не отрицал их.

Мне пришлось выполнить приказ Павицкого и отпустить обоз. Но чувствуя, что здесь дело нечисто и что сам я не смогу идти против начальства, я тут же написал письмо в Москву – председателю ВЧК товарищу Дзержинскому, описав все произошедшее.

Одновременно я написал письмо Гайдучёнку с просьбой забрать меня к себе, так как я не считал возможным далее оставаться работать под руководством начальника, подобного Павицкому.

Через несколько дней в ответ на мое заявление был получен приказ о моем откомандировании из Слуцка в погранотряд № 3 в город Минск, где меня с радостью встретил Гайдучёнок.

Несколько месяцев спустя, когда я уже работал в Москве, закончилось следствие по делу, начатому по приказу товарища Дзержинского в связи с моим сигналом. Следствием была вскрыта крупная контрабандистская организация, в которую входили связанные как бы цепочкой работники от низового аппарата до самого центра ВЧК. Коллегией ГПУ были осуждены на разные сроки: Павицкий, нач. снабжения особого отдела Зап. фронта Мясников, его заместитель Грейнеман, нач. снабжения войск ВЧК Сидоров¹⁵³ и другие. Был отстранен от должности командир дивизии особого назначения при Коллегии ОГПУ (кажется, Климов¹⁵⁴). Следствие по этому делу в Москве вел контрразведывательный отдел ОГПУ. Меня в качестве основного свидетеля допрашивал по этому делу следователь Гольдесгейм¹⁵⁵ (ныне персональный пенсионер, проживающий в Москве). На допросе у Гольдесгейма я встретился на очной ставке с подследственным бывшим «красным купцом» Левиным, который, увидя меня, побелел как смерть. Ему в моем присутствии пришлось признать многие факты, которые он ранее упорно отрицал.

Заканчивал это дело особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ Владимир Фельдман¹⁵⁶.

9) Минск

В Минске мне опять пришлось жить вместе в одной комнате с моим напарником по жилью-лавочке в Слуцке Стахом Станиславским. (Впоследствии, когда я уже уехал из Минска, мне сообщили, что Стах погиб при какой-то операции на границе, при каких обстоятельствах, уже не помню.) В те годы многие пограничники сложили свои головы, защищая родину от белобандитских шаек и шпионско-диверсионных групп. Наряду с пограничниками гибли от вражеских пуль и наши помощники – крестьяне-бедняки.)

Из периода моей работы в погранотряде № 3 в Минске запомнился следующий случай. При объезде погранпостов мною была задержана красивая женщина, одетая в простую крестьянскую одежду, пытавшаяся перейти границу. При обыске у нее ничего компрометирующего обнаружено не было, и на первом допросе она заявила, что убежала из Польши и пробирается в Минск к своим родственникам. Меня поразило в ней несоответствие крестьянской одежды и холеных рук, да и вообще я почему-то интуитивно чувствовал, что она врет о родственниках в Минске.

Распорядившись задержать женщину, я немедленно запросил Минское ЧК, проживают ли ее родственники по указанному адресу, и, как и предполагал, оказалось, что никаких родственников у нее там нет. Уличенная во лжи женщина после долгих запирательств призналась, что переброшена к нам польской разведкой и назвала свои связи с Минском. После этого она была переправлена нами в Минское ЧК, начальником которого был тогда Ян Ольский. Следствие по этому делу заканчивал работник Белорусской ЧК, участник

¹⁵³ Сидоров Сергей Федорович (1887–1958). Капитан ГБ (1935). Из рабочих, металлист в Петрограде. С 1921 в ВЧК. С 1.12.1922 работал нач. Отдела снабжения ГПУ РСФСР. С мая 1929 по сент. 1931 – нач. Ухтинской экспедиции ОГПУ (будущего Ухтпечлага ОГПУ).

¹⁵⁴ Климов Григорий Владимирович (1893–?). Чл. компартии с апр. 1917. Из крестьян, окончил реальное училище в Ростове и там же высшие счетоводно-бухгалтерские курсы. На военной службе с 1913, участник Первой мировой и Гражданской войн; комроты, фельдфебель. В 1917 – пред. исполкома ВРК 116-й пехотной дивизии, 21.6.1917 был подвергнут аресту за отказ идти в наступление. В дальнейшем ком. 175-го запасного полка; инспектор всеобуча Полтавского и Челябинского губвоенкоматов, ком. территориального полка, нач. боевого участка, нач. коммунистических отрядов Челябинской губ. В 1921 – нач. инспекторского отдела Управления войск ВЧК Республики. С июля 1921 (и на апр. 1922) – ком. отряда особого назначения при Президиуме ВЧК–ГПУ.

¹⁵⁵ Гольдесгейм Шлема Вольфович (1893 – 1968). Капитан ГБ (1935). Чл. компартии с 1919. Урожд. Бердичева, еврей. В органах ВЧК–НКВД с мая 1920. В 1938 – нач. отделения 5-го отдела 1-го управления НКВД СССР, с 15.9.1938 уволен из НКВД в запас.

¹⁵⁶ Фельдман Владимир Дмитриевич (1893 – 10.1.1938, Москва). Ст. майор ГБ (1935). Чл. компартии с 1914. Из семьи ремесленника, русский, образование высшее. В ВЧК–НКВД с 1918, работал в Особом отделе ВЧК. С янв. 1921 – нач. следчасти Президиума ВЧК–ГПУ, нач. курсов ВЧК. С 1924 – особоуполномоченный ОГПУ–НКВД СССР. Арестован 23.10.1937, осужден к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени – Глинский¹⁵⁷. Следствием было установлено, что женщина являлась довольно крупной польской шпионкой, неоднократно переходившей нашу границу. С ее арестом была ликвидирована значительная шпионская группировка.

К этому периоду в Минске относятся мои последние близкие встречи с замечательным товарищем Яном Ольским, знакомым мне еще с января 1919 г. по Вильно, затем мы вместе с ним были инструкторами ЦК партии Литвы и Белоруссии и одновременно были направлены для работы в органы ВЧК. Ольского, как и Опанского очень ценил и любил Филипп Демьянович Медведь, а также другие руководящие партработники, и, естественно, его все время выдвигали на более ответственную работу. Весной 1922 г. он стал уже председателем ЧК Белоруссии.

Характерной чертой Ольского был абсолютный интернационализм. Будучи сам поляком по национальности, он беспощадно расправлялся со всевозможными польскими лазутчиками, засылаемыми в Белоруссию со шпионскими целями. Не раз на стенах домов г. Минска вывешивались приказы за подписью Ольского о расстреле той или иной группы польских шпионов.

Также беспощадно боролся Ольский с антисемитизмом, который в то время частенько проявляли его подчиненные поляки.

Как-то, когда я находился в связи с каким-то делом в кабинете Ольского, произошел следующий случай.

Один из оперативных работников, по национальности поляк, оскорбил оперативника-еврея, назвав его «жидовской мордой» и «пся крев»¹⁵⁸. Обиженный пришел и пожаловался Ольскому. Ольский вызвал антисемита к себе в кабинет и, убедившись в его виновности, закатил поляку пару пощечин и распорядился посадить его на 15 суток под арест, а затем выгнать из органов.

Когда арестованного выводили, Ольский крикнул вдогонку:

– Да не забудьте отобрать у этого подлеца партбилет!

10) Заславль

Вскоре я был направлен из Минска в местечко Заславль комиссаром погранзаставы.

За короткое время пребывания в Заславле мне запомнилось, как 1-го мая 1922 г. мне впервые в жизни пришлось принимать присягу от бойцов погранзаставы.

Все бойцы были выстроены на площади, на которую высыпало все местное население, а я перед строем громко читал текст: «Я, сын трудового народа...» и т. д., а все бойцы повторяли слова присяги. Все это было очень торжественно.

¹⁵⁷ Глинский (Глинский-Смирнов) Станислав Мартынович (1894–9.12.1937, Москва). Чл. компартии с 1911. Поляк. В органах ВЧК–НКВД с 1920. В 1911 вступил в СДКПиЛ, был членом райкома в Варшаве. Арестован в 1916 в Усолье за уклонение от военной службы, бежал из-под ареста и перешел на нелегальное положение. После победы Февральской революции в мае 1917 добровольцем ушел в армию. После освобождения Троицка от войск атамана А. Дутова работал в этом городе, занимая одновременно посты командующего войсками, военкома, зам. пред. исполкома и пред. ЧК. С лета 1918 командовал партизанским отрядом на Урале, затем начштаба и комиссар бригады. В 1918–20 – опер. по информации, нач. Особотдела Екатеринбургской ЧК. С 1920 – пом. нач. по агентурной работе Особотдела 16-й армии. Участник операций «Грест» и «Синдикат-2». Нач. Особого отдела при Белорусской ЧК, уполномоченный ударной группы по разработке иностранных миссий в Белоруссии. С 1922 – нач. Заславльского погранособотделения. С 1923 – зам. нач. Минского Особотдела ГПУ, пом. пред. ГПУ Белоруссии. С 1925 – в 3-м отделении КРО ОГПУ, в ИНО ОГПУ. С 1926 – пом. резидента ИНО в Данциге, резидент в Польше, с 1928 – резидент в Финляндии, Латвии, в 1931–33 – резидент ИНО ОГПУ в Чехословакии. С 1934 до отзыва в авг. 1937 – резидент ИНО НКВД во Франции. Арестован в Москве 4.9.1937, осужден во внесудебном порядке по обвинению в шпионаже к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован в 1956.

¹⁵⁸ Польское ругательство, аналогичное русскому выражению «сукин сын».

В Заславле я проработал недолго. Мой отъезд оттуда был вызван следующими причинами.

Как-то нашими пограничниками была задержана группа контрабандистов. В процессе следствия выяснилось, что они были связаны с работниками нашей погранзаставы, беспартийными братьями Фейгиными, которые, в свою очередь, посылали контрабандные подарки кому-то из работников погранотряда № 3 в Минск.

Я выехал в Минск и доложил обо всем этом начальнику погранотряда Гайдучёнку. Но Гайдучёнок в это время уже сдавал дела, так как получил новое назначение – заместителем начальника особого отдела Петроградского военного округа и начальником особого отдела Кронштадтского укрепленного района, и вот-вот должен был уехать из Минска. Поэтому он направил меня к своему заместителю Устиновичу, сказав, чтобы я подробно доложил обо всем ему. Но Устинович, выслушав меня, по непонятным для меня причинам сразу же ополчился против меня, сказав, что не допускает даже мысли о причастности к этому делу Фейгиных, которых он лично хорошо знает, и обвинил меня чуть ли не в склоче.

Как выяснилось потом, дело заключалось в том, что Устинович, будучи скромным, честным и хорошим чекистом, как старый работник погранотряда № 3, оберегая честь этого отряда, очень болезненно реагировал на то, что «Гайдучёнковцы» (так называли тогда группу работников отряда № 4 в Слуцке, работавших с Гайдучёнком) вдруг раскрыли преступление бывших его подчиненных, которых Устинович считал проверенными и безусловно честными людьми.

Как показало будущее, следственные материалы полностью подтвердили мое сообщение, и братья Фейгины были из органов удалены. Но, к сожалению, Устинович свою неправоту признал значительно позднее, когда мы с ним через несколько лет встретились в Москве.

В связи с предстоящим отъездом Гайдучёнка в Петроград и обострившимися отношениями с Устиновичем я не считал возможным оставаться работать в погранотряде № 3. Кроме того, мне хотелось, чтобы меня направили учиться, так как недостаток общего образования очень мешал мне в работе¹⁵⁹. И я подал рапорт, поддержанный Гайдучёнком, председателю ЧК Белоруссии Яну Ольскому с просьбой направить меня куда-нибудь на учебу.

Ольский одобрил мои намерения учиться и откомандировал меня в особый отдел Западного фронта, находящийся тогда в Смоленске, для направления на учебу.

Мы по-дружески распрощались с ним, и он пожелал мне больших успехов в учебе.

(К сожалению, впоследствии мне уже больше не пришлось сталкиваться с Ольским по работе. В Москве он вскоре стал начальником особого отдела ОГПУ и членом [Революционного] Военного Совета Республики. В знаменитой картине-портрете известного художника Бродского¹⁶⁰ «Заседание реввоенсовета» Ольский находится на первом плане.

В Москве мы с ним встречались только мельком на партсобраниях или других общественных мероприятиях.)

Когда я прибыл в Смоленск к знакомому уже мне начальнику админоргупра особого отдела Западного фронта Валентину Маркичеву¹⁶¹, тот сказал, что у них нет в данное время

¹⁵⁹ Из-за слабого образования комплексы испытывали многие чекисты. Один из сибирских оперработников в середине 30-х годов сетовал, что «приходилось встречать арестованных, которые политически развитее тебя, и когда ты допрашиваешь его и чувствуешь это, то становится как-то неприятно». ГАНУ. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 123. Л. 19.

¹⁶⁰ Бродский Исаак Израилевич (1883–1939) – советский живописец и график, заслуженный деятель искусств РСФСР (1932), один из главных представителей соцреализма 1930-х годов, автор множества портретов вождей и героико-революционных картин.

¹⁶¹ Маркичев Валентин Иванович (1898–1969, Москва). Капитан милиции (1936). Чл. компартии с 1917. Из семьи потомственного палехского иконописца, обучался в ремесленной школе при народном доме графини С.В. Паниной, прошел курс актерского мастерства в театре П. П. Гайдебурова (Петроград). В 1917 – милиционер и нач. адресного стола в рабочей раймилиции Петрограда. С 1918 – политработник РККА. С июня 1919 в органах ВЧК–НКВД. В 1919–22 совмещал работу в Особом отделе ВЧК–ГПУ Западного фронта с заведыванием драмтеатром в Смоленске. С 1925 – в системе наробраза в Москве, директор кинофабрики

возможности отправить меня на учебу, а также нет подходящей для меня должности, и посоветовал мне поехать в Москву, в распоряжение МГО¹⁶² ГПУ, где начальником в то время был Филипп Демьянович Медведь.

А когда я рассказал Маркичеву о произошедшем у меня с Медведем инциденте в Смоленске в 1921 г. в связи с его женьбой, Маркичев успокоил меня, что Филипп Демьянович никогда не станет смешивать служебные дела с личными и безусловно поможет мне устроиться на учебу, тем более что в Москве для этого имеются большие возможности, чем где бы то ни было.

Я дал свое согласие и был направлен в Москву в распоряжение МГО ГПУ.

Заканчивая свои воспоминания о работе в погранотряде № 4, хочу упомянуть еще о некоторых своих сослуживцах, а именно: об уполномоченном и следователе Василии Маричеве, жена которого также работала в отряде (На фотографии она находится в первом ряду.) Начальником 5-й заставы нашего погранотряда был Жора Скороходов, которого я после Отечественной войны встречал в Москве.

Начальником другой заставы (не помню ни номера, ни месторасположения заставы) оказался мой товарищ по Виленскому подполью Михаил Павлович Ронинсон, бывший членом большевистской партии еще в Вильно в конце [19]18 г. В период работы в погранотряде я часто встречался с Ронинсоном, приезжавшим постоянно в Слуцк, мы с ним и его женой очень дружили.

(Не знаю, при каких обстоятельствах Ронинсон остался вне партии, но приблизительно в 1927 или 1928 г., будучи председателем комиссии по проверке сов[етского] аппарата Сокольнического райфинотдела, я увидел среди посетителей Ронинсона. Он рассказал мне, что работает по своей дореволюционной специальности (кажется, слесарем) как кустарь-одиночка и пожаловался, что райфо обложило его таким огромным и несправедливым налогом, что он не знает, как ему дальше жить. Я зашел к зав. райфо, рассказал о прошлой боевой деятельности Ронинсона в виленском подполье, а затем в погранотряде, и просил проверить, обоснованно ли его обложили таким непомерным налогом. Зав. райфо при мне вызвала налогового инспектора, проверила документы, а затем стала ругать инспектора за неправильное и крайне завышенное обложение налогом Ронинсона, после чего ему был установлен нормальный налог, полагающийся всем кустарям-одиночкам.

Много лет мы с Ронинсоном не встречались, а после Великой Отечественной войны, примерно в 1946 г., я неожиданно увидел его, совершенно больного, гуляющего с палочкой в руках по Кропоткинской улице, в районе которой я тогда жил. В тот же день я был у него дома в одном из переулков между Кропоткинской и Арбатом. Он был женат уже на другой женщине и являлся пенсионером.

После этой встречи мы в течение нескольких лет изредка встречались и неоднократно вместе гуляли в нашем районе. А примерно в начале 1953 г. мне сообщили о его смерти.

На похоронах Ронинсона, кроме меня, были старые чекисты из погранотряда: Николай Осипов, Василий Маричев (которого я в 1928 г. встречал в Витебске, где он был начальником одного из отделений окр[ужного] отдела ГПУ); быв[ший] нач. 5-й погранзаставы нашего погранотряда Жора Скороходов, быв[ший] работник Белорусской ЧК Колосов. Тогда же на похоронах я впервые увидел сына Ронинсона¹⁶³ – ныне популярного, заслуженного артиста республики в Театре драмы и комедии на Таганской площади.

«Совкино», зам. нач. секретариата и секретного отдела управделами СНК СССР. С 1933 служил нач. отдела регулирования уличного движения УРКМ ПП ОГПУ – УНКВД по Московской обл. С сент. 1935 – пом. нач. УРКМ УНКВД по Челябинской обл., с мая 1936 – нач. УРКМ и пом. нач. УНКВД по Челябинской обл., с 4.9.1939 уволен вовсе из НКВД. С 1939 – нач. отдела кадров Комитета по делам искусств СНК СССР, директор облдрамтеатра в Молотове (Пермь). С нояб. 1942 – директор музтеатра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Награжден браунингом от Коллегии ОГПУ (1928), орд. Знак Почета (1947) и Кр. Звезды (1961).

¹⁶² Московского губернского отдела.

¹⁶³ Ронинсон Готлиб Михайлович (1916–1991, Москва), народный артист РСФСР (1989).

Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 100. Л. 129–196.

Литература

- Агабеков Г.С.* ЧК за работой. Берлин: Стрела, 1931. 336 с.
Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения в 2 т. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. 590 с.
Киров С.М. Избранные статьи и речи (1912–1934). М.: Политиздат, 1957. 718 с.
Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
Серов И.А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / под ред. А. Хинштейна. М.: Просвещение, 2016. 704 с.
Тепляков А.Г. «Воспоминания чекиста-оперативника» М. П. Шрейдера – неизвестные страницы истории ВЧК–ОГПУ–НКВД // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 925–936.
Фальківський Д.Н. Поезії. Київ: Радянський письменник, 1989. С. 52.
Шрейдер М.П. НКВД изнутри: Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. 256 с.

References

- Agabekov G.S.* CHK za rabotoj [Cheka at work]. Berlin: Strela, 1931. 336 s.
Dzerzhinskij F. Izbrannye proizvedeniya v 2 t. [Selected works in 2 volumes] Izd. 2-e, dop. M.: Politizdat, 1967. T. 1. 590 s.
Fal'kivs'kij D.N. Poezii. Kiiv: Radyans'kij pis'mennik, 1989. S. 52.
Kirov S.M. Izbrannye stat'i i rechi (1912–1934) [Selected articles and speeches (1912–1934)]. M.: Politizdat, 1957. 718 s.
Rolf M. Sovetskie massovye prazdniki [Soviet mass holidays]. M.: ROSSPEN, 2009. 439 s.
Serov I.A. Zapiski iz chemodana. Tajnye dnevniki pervogo predsedatelya KGB, najdennye cherez 25 let posle ego smerti [Notes from the suitcase. Secret diaries of the first KGB chairman, found 25 years after his death] / pod red. A. Hinshtejna. M.: Prosveshchenie, 2016. 704 s.
Shreyder M.P. NKVD iznutri: Zapiski chekista [NKVD inside: Notes of the security officer.]. M.: Vozvrashchenie, 1995. 256 s.
Teplyakov A.G. "Vospominaniya chekista-operativnika" M.P. Shrejdера – neizvestnyye stranicy istorii VCHK–OGPU–NKVD ["Memories of the security officer" M.P. Shreyder - unknown pages in the history of the Cheka–OGPU–NKVD] // Novejshaya istoriya Rossii. 2018. T. 8. № 4. S. 925–936.

Статья поступила в редакцию 18.02.2019 г.